
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 28 ИЮЛЬ 1985
СТАХАНОВЦА ЗРИМЫЕ ЧЕРТЫ
АФРИКА: ТРЕВОГИ И НАДЕЖДЫ
ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА ИВАНА СТАДНЮКА «МОСКВА, 41-й»
ДМИТРИЙ БИЛОЗЕРЧЕВ — ГИМНАСТ № 1

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ
о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

1 июля 1985 года состоялся очередной Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум рассмотрел вопросы третьей сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва.

С речью по этим вопросам на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. М. С. Горбачев.

Пленум подчеркнул необходимость настойчивого совершенствования деятельности Советов народных депутатов, четкого выполнения своих функций каждым звеном политической системы нашего общества, дальнейшего повышения руководящей роли партии, усиления ее влияния на все участки государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства.

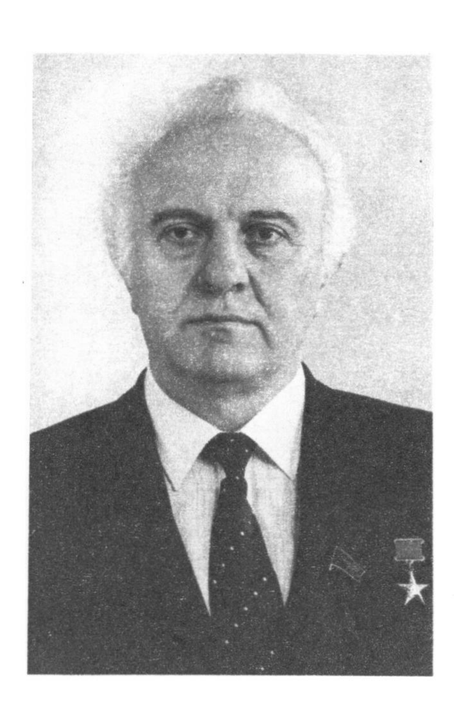
На Пленуме ЦК КПСС рассмотрены организационные вопросы.

Удовлетворена просьба тов. Г. В. Романова об освобождении его от обязанностей члена Политбюро и секретаря ЦК КПСС в связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья.

Пленум перевел из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС тов. Э. А. Шеварднадзе и избрал секретарями ЦК КПСС тов. Б. Н. Ельцина и тов. Л. Н. Зайкова.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

ШЕВАРДНАДЗЕ Эдуард Амвросиевич

Тов. Шеварднадзе Э. А. родился в 1928 году, грузин, член КПСС с 1948 года. Окончил партийную школу при ЦК Компартии Грузии и Кутаисский государственный педагогический институт.

Трудовую деятельность начал в комсомольских органах. С 1946 до 1953 года работал инструктором, заведующим отделом райкома, инструктором ЦК ЛКСМ Грузии, секретарем и вторым секретарем Кутаисского обкома комсомола.

В 1953 году утверждается инструктором Кутаисского горкома Компартии Грузии. Затем снова на комсомольской работе—первым секретарем горкома, вторым, а с 1957 года первым секретарем ЦК ЛКСМ Грузии.

С 1961 года избирался первым секретарем Мцхетского райкома Компартии Грузии, Первомайского райкома партии г. Тбилиси. В 1964 году назначается первым заместителем министра, а в 1965 году — министром внутренних дел Грузинской ССР.

В 1972 году был избран первым секретарем Тбилисского горкома Компартии Грузии. С 1972 года Э. А. Шеварднадзе—первый секретарь ЦК Компартии Грузии.

Э. А. Шеварднадзе с 1976 года член ЦК КПСС, с 1978 года кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. Депутат Верховных Советов СССР (9—11 созывы) и Грузинской ССР. Герой Социалистического Труда.

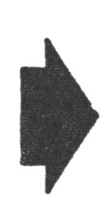

Москва, Кремль, 2 июля 1985 года. Совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

ТРЕТЬЯ СЕССИЯ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ОДИННАДЦАТОГО СОЗЫВА

ОМ МИРА И СОЗИДАНИЯ

КУРСОМ МИРА И СОЗИДАНИЯ

2 июля в 10 часов утра в Большом Кремлевском дворце совместным заседанием Совета Союза и Совета Национальностей открылась третья сессия Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили депутаты и гости товарищей **М. С. Горбачева, Г. А. Алиева, В. И. Воротникова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Д. А. Кунаева, Е. К. Лигачева, Н. И. Рыжкова, М. С. Соломенцева, Н. А. Тихонова, В. М. Чебрикова, Э. А. Шеварднадзе, В. В. Щербицкого, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, С. Л. Соколова, Б. Н. Ельцина, Л. Н. Зайкова, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, В. П. Никонова, К. В. Русакова.**

Заседание открыл Председатель Совета Союза **Л. Н. Толкунов.**

Депутаты единодушно утвердили повестку дня сессии и порядок ее работы.

В повестке дня сессии вопросы:

1. Об избрании Председателя Президиума Верховного Совета СССР.
2. Об изменениях в составе Президиума Верховного Совета СССР.
3. О соблюдении требований законодательства об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов.
4. Отчет Генерального прокурора СССР о деятельности Прокуратуры СССР по надзору за исполнением требований советских законов об укреплении правопорядка, охране прав и законных интересов граждан.
5. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

По первому вопросу повестки дня слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС, депутату **М. С. Горбачеву.**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об избрании депутата Громыко А. А. Председателем Президиума Верховного Совета СССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик **постановляет:**

Избрать депутата **Громыко** Андрея Андреевича Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

**Первый заместитель Председателя
Президиума Верховного Совета СССР
В. КУЗНЕЦОВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.**

Москва, Кремль. 2 июля 1985 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об избрании депутата Горбачева М. С. членом Президиума Верховного Совета СССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик **постановляет:**

Избрать членом Президиума Верховного Совета СССР депутата **Горбачева** Михаила Сергеевича.

**Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
А. ГРОМЫКО.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.**

Москва, Кремль. 2 июля 1985 г.

Выступление депутата

Товарищи депутаты!

Нам предстоит избрать Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Состоявшийся вчера Пленум ЦК КПСС обсудил этот вопрос.

Как вы знаете, начиная с 1977 года Генеральный секретарь ЦК КПСС одновременно занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Надо сказать, что в условиях того времени соединение в одном лице высших постов в партии и государстве себя оправдывало. За истекший период произошла активизация законодательной и другой деятельности Верховного Совета СССР, улучшилась работа Советов на местах, усилился контроль за органами управления.

Вместе с тем Центральный Комитет учитывал, что решение новых задач, которые встают сейчас перед нами, требует внесения корректив как в содержание, так и в формы и методы партийной и государственной деятельности, в расстановку кадров в центре и на местах.

Страна переживает сейчас ответственный период. Мы определяем стратегический курс на ближайшую и отдаленную перспективу, разрабатываем проект новой редакции Программы партии, которую примет XXVII съезд КПСС. Перед нами встает целый комплекс важных задач. Вы их знаете. Это переход на рельсы интенсивного развития экономики, осуществление структурной перестройки производства, внедрение эффективных форм управления, организации и стимулирования труда, дальнейшее повышение благосостояния советских людей, укрепление обороноспособности страны.

Теперь, когда мы лучше видим наши перспективы, на первый план выдвигается организаторская работа, активизация деятельности всех звеньев советской политической системы, мобилизация масс на решение поставленных задач. Все это предполагает дальнейшее укрепление руководящей роли партии в обществе, требует повышения интенсивности работы Центрального Комитета КПСС, его Политбюро.

В этих конкретных условиях с учетом задач нынешнего этапа Пленум ЦК КПСС признал целесообразным, чтобы Генеральный секретарь ЦК КПСС максимально сосредоточился на организации работы центральных органов партии, объединении усилий всех партийных, государственных и общественных организаций в целях успешного осуществления намеченного курса.

В связи с этим Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и партийная группа Верховного Совета поручили мне внести на ваше рассмотрение поддержанное Советами Старейшин палат предложение избрать Председателем Президиума Верховного Совета Союза ССР товарища Андрея Андреевича Громыко.

Имя Андрея Андреевича широко известно как в нашей стране, так и за ее рубежами. Видный политический деятель, один из старейших членов партии, он вносит значительный вклад в разработку и осуществление нашей внутренней и внешней политики. Глубокие знания и разносторонний опыт сочетаются у него с принципиальностью и последовательностью в проведении выработанной нами линии. Партия и народ высоко ценят его заслуги в осуществлении внешнеполитического курса Советского государства. Думаю, что у нас есть все основания считать, что Андрей Андреевич Громыко будет достойно выполнять функции, связанные с руководством работой Президиума Верховного Совета СССР.

Как указал июльский Пленум ЦК КПСС, партия будет и впредь проводить линию на активизацию деятельности Верховного Совета, на повышение роли Советов и уси-

Выступление депутата

Товарищи депутаты!

Прежде всего я хочу выразить искреннюю благодарность Генеральному секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Михаилу Сергеевичу Горбачеву за добрые слова, сказанные по моему адресу при внесении предложения об избрании меня Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Не мне судить, заслужил ли я такие слова или нет.

Только что принятое решение по этому предложению глубоко меня взволновало. Оно является показателем большого доверия, которое оказано мне Верховным Советом СССР.

Перед нашей страной стоят грандиозные задачи в области экономического и социального развития, подъема благосостояния советского народа.

М. С. ГОРБАЧЕВА

ление их ответственности за состояние дел в каждой области, в каждом городе и селе. Они должны органично соединять функции принятия государственных решений, организации их исполнения, контроля за проведением этих решений в жизнь.

Мы вновь и вновь подчеркиваем, что Советы всех ступеней призваны гораздо полнее и последовательнее использовать имеющиеся у них права. В поле их зрения должны находиться все сферы общественной жизни. Особое внимание сейчас следует обратить на удовлетворение разнообразных нужд и запросов трудящихся. Необходимо, чтобы Советы делали еще больше для выполнения Продовольственной программы, для решения задачи лучшего обеспечения населения каждой республики, края, области продуктами питания за счет мобилизации местных возможностей и резервов. Важно, чтобы Советы на полную силу включились в организацию производства товаров народного потребления всеми промышленными предприятиями, независимо от их ведомственной подчиненности. Еще больше усилий нужно приложить Советам в центре и на местах к решению социальных проблем, удовлетворению культурных запросов советских людей, воспитанию трудящихся.

Нам нужно лучше использовать конституционные полномочия и широкие практические возможности Верховного Совета СССР для рассмотрения узловых вопросов жизни страны, контроля за органами управления. Многие задачи предстоит решать Верховному Совету в области совершенствования законодательства. Прочная законность — неотъемлемая часть социалистической демократии, строгого соблюдения принципа социальной справедливости. Нашу общественную жизнь сегодня, как никогда, характеризует политическая активность советских людей, которые выступают с многочисленными предложениями по вопросам политики, экономики, других сфер жизни общества, остро реагируют на любые недостатки. Это и есть проявление подлинной демократии, выражение того, что мы называем социалистическим самоуправлением народа.

Так что дел в области улучшения работы Советов, укрепления законности у нас еще очень много. И роль Президиума Верховного Совета, его Председателя должна быть здесь весомой и активной.

С учетом всего этого вношу, товарищи депутаты, на ваше рассмотрение следующий проект постановления:

«Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

Избрать депутата Громыко Андрея Андреевича Председателем Президиума Верховного Совета СССР».

Одновременно предлагается принять постановление об освобождении товарища А. А. Громыко от обязанностей первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и министра иностранных дел СССР.

●

Депутаты единогласно избирают Председателем Президиума Верховного Совета СССР депутата А. А. Громыко.

От имени депутатов председательствующий сердечно поздравил А. А. Громыко с избранием Председателем Президиума Верховного Совета СССР и пожелал ему новых успехов в большой и плодотворной деятельности на благо Коммунистической партии и Советского государства.

Верховный Совет принял постановление об освобождении А. А. Громыко от обязанностей первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и министра иностранных дел СССР.

Затем выступил Председатель Президиума Верховного Совета СССР **А. А. Громыко.**

А. А. ГРОМЫКО

Велика роль Советского Союза в делах международных, в борьбе за устранение угрозы ядерной войны и укрепление мира.

Конкретные задачи, относящиеся как к делам внутренним, так и к внешней политике, были достаточно полно и с силой очерчены в решениях недавних Пленумов ЦК нашей партии. Долг каждого коммуниста, облеченного доверием партии и народа, состоит в том, чтобы содействовать выполнению этих решений и тем самым оправдать оказанное ему доверие.

На своем новом посту я приложу все усилия к тому, чтобы с честью выполнить свой долг перед партией, перед страной, перед народом.

Об этом я заявляю с данной высокой трибуны как коммунист и как гражданин.

Андрей Андреевич ГРОМЫКО — Председатель Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик

Андрей Андреевич Громыко родился в 1909 году в деревне Старые Громыки ныне Ветковского района Гомельской области Белорусской ССР в семье крестьянина-бедняка, русский. Образование высшее — в 1932 году окончил экономический институт, затем — аспирантуру Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства. В 1936—1939 годах работал старшим научным сотрудником и исполнял обязанности ученого секретаря Института экономики Академии наук СССР. Доктор экономических наук. Имеет научные труды.

С 1939 года Андрей Андреевич Громыко находится на дипломатической работе. Был советником посольства СССР в США, в 1943—1946 годах — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в США и по совместительству — посланник СССР в Республике Куба. В последующие годы — постоянный представитель СССР в Совете Безопасности ООН и одновременно заместитель министра иностранных дел, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Великобритании, первый заместитель министра иностранных дел СССР.

С февраля 1957 года А. А. Громыко — министр иностранных дел СССР, с 1983 года — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР.

А. А. Громыко — член КПСС с 1931 года. На XIX съезде КПСС избирается кандидатом в члены ЦК, а на XX, XXII—XXVI съездах — членом Центрального Комитета КПСС. С апреля 1973 года — член Политбюро ЦК КПСС.

Андрей Андреевич Громыко — депутат Верховного Совета СССР второго, пятого и всех последующих созывов. Депутат Верховного Совета РСФСР.

За заслуги перед Родиной А. А. Громыко дважды присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он награжден многими орденами и медалями.

Встреча в Кремле.

С официальным дружественным визитом

Во время подписания.

Во время переговоров.

По приглашению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с 26 июня по 1 июля 1985 года в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находилась партийно-правительственная делегация Социалистической Республики Вьетнам во главе с Генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Вьетнама Ле Зуаном.

В Советском Союзе посланцам братского Вьетнама был оказан радушный прием, их встречи с партийными и государственными деятелями, представителями советской общественности вылились в яркую манифестацию боевой солидарности, нерушимой дружбы и сплоченности КПСС и КПВ, народов СССР и Вьетнама.

В ходе визита состоялись переговоры между партийно-правительственной делегацией Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым и партийно-правительственной делегацией СРВ во главе с Генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном.

В переговорах приняли участие:

с советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Н. И. Рыжков, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, член ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. В. Талызин, кандидат в члены ЦК КПСС, посол СССР в СРВ Б. Н. Чаплин;

с вьетнамской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан, член Политбюро ЦК КПВ, секретарь ЦК КПВ Во Ти Конг, член Политбюро ЦК КПВ, заместитель Председателя Совета Министров СРВ То Хыу, член ЦК КПВ, заместитель Председателя Совета Министров СРВ Чан Куинь, член ЦК КПВ, заведующий Отделом внешних связей ЦК КПВ Ву Куанг, член ЦК КПВ, посол СРВ в СССР Динь Ньо Лием.

Состоялась также отдельная беседа между М. С. Горбачевым и Ле Зуаном.

Переговоры и беседы проходили в дружеской, сердечной атмосфере, отражающей братский характер советско-вьетнамских отношений, и подтвердили полное единство позиций сторон по всем обсуждавшимся вопросам.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан подписали 28 июня в Кремле совместную советско-вьетнамскую декларацию.

Фото А. ГОСТЕВА

Рисунок Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

С надеждой
Смотрят в мире на ООН
Народы
В год ее сорокалетья.
Народы твердо верят:
На планете
Упрочен будет мир
И сохранен.

ВСТРЕЧИ В МОН

Евгений БОЛОТИН

НЯМДАЛАЙ СТРОИТ САМОЛЕТ

11 ИЮЛЯ — ДЕНЬ ПОБЕДЫ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В МОНГОЛИИ

моими улан-баторскими друзьями кандидатом философских наук Ариунболдом и известным в Монголии фотомастером Цэрэнжамцем мы как-то поехали на высокогорное озеро Хубсугул.

Остановились на привал под отвесной скалой на берегу звонкой горной речки. На противоположном берегу расстилался цветущий луг, где паслась отара крутобоких овец.

— Вот с этой скалы,— сказал Ариунболд,— в прошлом веке один арат бросился вниз...

— И разбился о речные камни?

— Нет. Он перелетел речку и спланировал на свою отару. У него были крылья из хорошо выделанных шкур. Звали его, кажется, Барсболд — Железный Тигр.

— Легенда?

— Нет, говорят, правда!

Наш молчаливый Цэрэнжамц спросил меня, был ли я на последней республиканской выставке рационализаторов и изобретателей. Я там не был.

— Напрасно. Один хатгалец показывал там свой самолет, сделанный из трубок от раскладушки, с мотоциклетным мотором. Этот человек — пожарный, и сделал свой самолет, чтобы летать над тайгой по берегам Хубсугула.

— Говоришь, из раскладушки? А крылья из чего, обшивку?

— Из ткани в несколько слоев, пропитанной каким-то клеем. Говорят, извел все запасы мануфактуры, какие были у жены. Зовут его Нямдалай.

Цэрэнжамц меня сразил. Остальную часть нашего пути я ни о чем не мог думать, кроме как о пожарном из Хатгала, куда мы и ехали.

Секретарь горкома партии товарищ Цэрма встретила нас радушно, предложила обширную программу знакомства с городом и озером Хубсугул. Меня же интересовал Нямдалай.

— Нямдалай — очень забавный человек,— заулыбалась Цэрма.— Фантазер, изобретатель. Теперь он не пожарный, а лучший слесарь автобазы, недавно прибор сделал — дефектоскоп. Советский инженер хвалил, говорил, что такие люди, как Нямдалай, на вес золота. Мы его на шестимесячные курсы послали, приедет с дипломом механика.

Заметив, что я сильно огорчен, Цэрма сказала:

— Его жена секретарем-машинисткой у нас работает. Она покажет вам его записи, чертежи, письма.

Вечером я просматривал толстую общую тетрадь в коленкоровом переплете. Аккуратные столбцы старомонгольской письменности, на отдельных страницах рисунки, чертежи деталей самолета. А вот и рисунок летательного аппарата. Как я понял, кабины пилота вовсе нет, мотор также ничем не защищен. Воздушный мотоцикл. В тетрадь вложены вырезки из советских журналов «Техника — молодежи», «Юный техник», «Знание — сила», письма от советских изобретателей, в основном школьников и студентов. Да, все на уровне любительского моделирования. Неужели на таком самолете можно было летать?

— А как же,— говорит Цэрма,— он два раза летал. Отвез свой самолет на машине за город, туда, где Лысая гора — Халзан толгой, завел и полетел в сторону озера. 35 километров пролетел на высоте примерно 300—400 метров и сел на Лысой горе. Кое-что, конечно, поломал, когда садился. Потом починил и через несколько дней еще раз слетал к озеру. Больше не летал: мы ему запретили. Все-таки у него четверо детей и жена молодая. А сейчас он придумал подводную лодку. Хочет посмотреть, что на дне Хубсугула. Построил аэросани и ездил по льду Хубсугула.

Обезоруживающая наивность и дерзость!

Тяга современной монгольской молодежи к технике понятна. Бурно развивается индустрия, целинное земледелие с его огромными площадями просто немыслимо без комплекса сельскохозяйственных машин.

ПОХВАЛА КНИГЕ

Эту историю я услышал от заместителя председателя Совета Министров МНР Д. Цэвэгмида. Вот что он рассказал:

«Мне было 15 лет, когда я окончил учительские курсы и стал преподавать ботанику и зоологию. Тогда, в начале тридцатых годов, ни программ, ни учебников у нас не было. После уроков я со своими учениками ходил на волейбольную площадку. Мы были одного возраста, одеждой я тоже не выделялся. А недалеко от площадки расположилась книжная лавка, куда меня неудержимо тянуло. Продавали там и советские книжки. Однажды я увидел там книгу в черном переплете. На нем золотом было написано по-русски «Зоология». Я попросил продавца показать книгу, но он прогнал меня, заявив, что я испачкаю ее грязными руками и что я не знаю русского языка. Ушел я огорченный.

И вдруг навстречу мне идет мой коллега, тоже учитель. Много старше меня, бывший лама. Я объяснил ему, в чем дело, достал из кармана новые, хрустящие тугрики. И вот книга у меня! От центра города до своей юрты я бегом бежал. Вымыл руки — и к столу с книгой. У меня и сейчас сильно бьется сердце, когда я вспоминаю, как раскрыл ее, как увидел рисунки животных. Увы, русского текста прочитать не мог. На своих уроках я стал показывать ученикам иллюстрации в качестве наглядного пособия.

А в августе 1932 года меня послали организовывать школу в далекий Убсунурский аймак. Приезжаю в одно урочище, а там какой-то переполох. Захожу в юрту и вижу: две женщины — русская и монголка — плачут, обнимая русоволосого мальчика лет десяти. Выяснилась драматическая история. В 1921 году, когда были разгромлены банды Унгерна в центре страны, часть белогвардейцев бежала на запад в горы. Эти недобитые шайки еще долго бесчинствовали, грабили население, угоняли скот. Всех представителей новой власти и тем более советских людей, помогавших нам налаживать хозяйство, они расстреливали. В этих отдаленных местах оказалась и молодая русская чета с грудным ребенком. Муж занимался покупкой скота для Советской России, жена, кажется, была фельдшером. Однажды нагрянули белогвардейцы. Молодым супругам удалось бежать, а ребенка спрятала одна монголка. Так он и вырос в монгольской семье, ничего не ведая о судьбе своих родителей. По-русски — ни слова.

Наблюдал я эту радостную и горькую сцену и досадовал: в моем словарном запасе было не больше десятка русских слов и то каких: слон, тигр, собака, кошка, которые я вычитал в учебнике «Зоология». Араты тогда сердились на меня, ругали: «Какой ты багши учитель, если не умеешь говорить по-русски?»

Вот тогда я и занялся русским. Спустя несколько лет школьные учебники «Зоология» и «Ботаника» были изданы на монгольском в моем переводе...»

Я слышал от Цэвэгмида, старейшего государственного деятеля и писателя, что он готовит книгу воспоминаний, куда войдет и эта история.

«ЧИТАЙТЕ ГОРЬКОГО!»

Во время работы собкором «Известий» в Улан-Баторе моей переводчицей с монгольского была Саранцацрал — Сияние Луны. Выпускница филологического факультета МГУ, преподавательница Института русского языка в Улан-Баторе, она принадлежит к третьему поколению монгольской народной интеллигенции.

Такие, как Саран, окончательно рушат языковой барьер между нашими народами. Ежедневно я был свидетелем, как буквально толпы монгольской молодежи раскупали в киоске на главпочтамте свежие советские газеты и журналы. «Комсомольская правда», «Советский спорт», «Футбол—хоккей», «Неделя», журналы «Смена», «Юность», «Техника — молодежи» и другие здесь тоже дефицит, как и в московских киосках. В улан-баторском магазине «Дружба» мигом раскупают советские книги на русском языке, те самые, за которыми гоняемся и мы.

Саран была для меня подарком. И не только потому, что она хорошо переводила статьи из газет и журналов и терпеливо учила меня монгольскому языку. Она никогда не приходила без новостей. О предстоящих научных конференциях, театральных премьерах, выставках я узнавал от нее. Она познакомила меня со многими крупными учеными, писателями, артистами, художниками. И не только.

Саран интересует все, что может взволновать подлинно интеллигентного человека. Современная монгольская молодежь, во всяком случае, та ее часть, с которой мне доводилось часто встречаться, хорошо информирована, четко выбирает жизненные цели, активно стремится к их достижению, преодолевая порой немалые трудности. Взять ту же Саран. Она окончила один из лучших вузов мира, ей поручили преподавание в столичном институте. Недавно она вышла замуж за подающего большие надежды художника, выпускника Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Элбека. Полтора года назад у них родился сын. Хорошая, дружная семья. Чего еще не хватает для счастья? Между тем Саран выдерживает труднейший конкурс и поступает в аспирантуру МГУ. Она с ребенком опять в Москве, готовится к защите кандидатской диссертации. Я спросил ее, какой дьяволенок в ней сидит и не дает покоя. Она мне ответила: «Надо читать Алексея Максимовича Горького. Он призывал монгольскую интеллигенцию к активности. Как известно, монголы не были баловнями истории, еще в начале XX столетия мы жили в условиях темноты и забитости. Нам надо за считанные десятилетия пройти путь, который, не торопясь, прошли европейцы за столетия».

Всякий раз, когда я пишу о достижениях Монголии, ловлю себя на мысли, что меня тянет на патетику. Действительно, такие гиганты индустрии, как горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт», ТЭЦ-4 в Улан-Баторе, Багануурский угольный разрез, поражают воображение. А размах в освоении целинных земель, а успехи в развитии науки, образования, здравоохранения. Время восклицательных знаков, говорят, прошло. Но время воспевать человека нового мира не пройдет никогда. Вот почему я не стыжусь восторженности, когда рассказываю о своих монгольских друзьях.

Улан-Батор — Москва.

ГОЛИИ

нужен порядок

РАЗГОВОР ЗАМЫКАЕТСЯ НА ЧЕЛОВЕКЕ

Гости с другого завода, конечно, обратили внимание: у нас в рабочей столовой на каждом столике свежие розы. Мы рассказали, что на предприятии своя теплица, где вместе с овощами круглый год выращиваются цветы.

Я начал с цветов, потому что знаю истину: каких бы сторон научно-технического прогресса мы ни касались, замкнем, если можно так выразиться, разговор все равно на человеке. Он определяет все, с него все начинается, от него зависят судьбы идей и планов.

Выступая на совещании по вопросам ускорения научно-технического прогресса, Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев назвал решающим фактором всех перемен человеческий.

Повседневная наша жизнь убедительно подтверждает это. Открыли, например, в заводском корпусе прачечную. Можешь пользоваться каждый день, в том числе и по выходным; пригласили инструктора-методиста по физкультурно-оздоровительной работе; оборудовали комнату эмоциональной разгрузки, сауну; избавились от трудностей с детскими садами и пионерскими лагерями, а в пионерском лагере «Лесной огонек» зимой даем возможность отдыхать любителям лыжных прогулок, ценителям природы... Обыденные как будто заботы. Но это не лишний разговор. Такая практика, когда нажимают на решение производственных задач, а человеческий фактор считают чем-то второстепенным, еще не изжита. Чего же удивляться текучести кадров, ненадежной дисциплине.

На нашем заводе ничего подобного нет. Дела с обновлением производства и внедрением прогрессивного в организацию труда, в технологию, в совершенствование профессионального мастерства идут хорошо.

За последние годы, например, мы ввели механизированную окрасочную линию, что обеспечило повышение производительности труда, улучшило его качество и условия. Обновленная техника позволила примерно на 150 процентов повысить производительность труда газорезчиков и газосварщиков, а заодно отпала здесь потребность в грузчиках, диспетчере, высвободился транспорт. Осваиваем новые изделия.

Появились на заводе комплексные сменные и комплексные сквозные бригады. Идет реконструкция завода. В недалеком будущем мы получим возможность расширить производственные площади и оснастить цехи станками с числовым программным управлением.

Но больше всего радует нынешнее настроение коллектива. Заметно прибавляется активность, производственники больше предлагают новшеств, строже судят тех, кто не хочет жить по социалистическим нормам. Приведу в пример слесаря Виктора Брониславовича Гаруновича. Работал он и прежде исправно. Но держался как-то сам по себе: сдельщик — и все. А тут раскрылся человек по-новому, внес сразу несколько ценных предложений. Живее, острее проходят теперь собрания.

Но вот что наводит на размышления. Невооруженным глазом виден разрыв между темпами перестройки на заводе и в тех звеньях, что должны все лучше и лучше взаимодействовать с нами. Небольшому сравнительно предприятию, как наше, не обойтись без союзников. Их помощь необходима. Так вот, в числе наших верных союзников могу назвать в первую очередь минские заводы: тракторный, автомобильный, мотовелосипедный. С научно-исследовательскими центрами так получается далеко не всегда. Их больше всего интересует солидность эффекта — и отсюда тяга к партнерству только с гигантами. Всех, разумеется, критиковать не стоит. Например, ВНИИстройдормаш с нами сотрудничает добросовестно и заинтересованно.

«Требования ко всем выдвинуты очень серьезные»,— напомнил в Днепропетровске Михаил Сергеевич Горбачев. И в первую, пожалуй, очередь это касается плановых органов. Пока они далеки от интересов производственников; из-за них мы сплошь и рядом вынуждены ради выполнения плана искать всякого рода «обходные варианты», а это непомерно дорого обходится во всех смыслах, прежде всего в экономическом и нравственном.

Понятно: одним махом всего не перестроишь. Однако серьезность партийных требований не оставляет времени на раскачку.

И. САФОНОВ,
главный инженер минского ремонтно-механического завода «Белремкоммунмаш»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

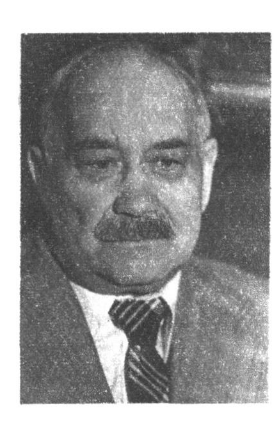
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 28 (3025)

6—13 ИЮЛЯ

ВРЕМЯ – РИТМ ЗЕМЛИ

Сергей ПОДЕЛКОВ

ПСКОВСКИЙ НАГОН

Обложен перелесок черно-пегий,
шнур — горизонтом и следов стежки...
Еще вчера исхлопотался егерь,
развешивая пестрые флажки.
Пылает столп над солнцем восходящим,
снег алюминием синеет, чист,
и отсвет розовый ползет по чащам.
Стрелки расставлены —
и взвился свист!
Смертельный гон. И шум, и переклики,
удары палок о стволы звучат,
деревьев дымны заспанные лики...
— Гони, гони!— окладчики кричат.
— На первый номер правьте!
— К лазу ближе!
Сорочий дробный стрекот, шелест сов
перелетающих. Скрипучи лыжи.
Лисица шла сторожко меж кустов.
Лисица шла, возникшая, как пламя,
под гомон, угрожавший все лютей,
косясь, тайком пласталась под ветвями,
в пороше топла, скрадывалась в ней.
Лисица шла изогнуто — и резко
враз замирала, будто брал недуг;
опасно пахли на шнуре развески,
ноздрями втягивала смертный дух.
Но странный шорох... Чей?
И страх — затором...
Оторопела, вскинув черный нос,
глаза — в глаза охотника, который
в окончатом просвете двух берез.
Лисица — в лаз,
и за флажки — к порубке,
и обернулась, и прощальный взгляд.
А он стоял в нагольном полушубке,
держа на валенке ружья приклад.
А егерь снег взрывал неутомимо,
спешил.
— Товарищ Ленин... Тут лиса...
Вы видели? Она прошла же мимо.
Ах, рыжая! Вот хода полоса.—
Непониманье егеря томило,
Ильич заулыбался:
— Красота!
Мы даже с ней перемигнулись мило,
Как заговорщики. Здесь, у куста.
Как вырывалась из силка невзгоды!
Счастливая охота, что ж тужить...
Зверь сказочный. Гармония природы.
Пускай живет, живое хочет жить.

ВЗГЛЯД МОЕГО ДЕДА НА ПОЭЗИЮ

А, внук!
Ну, радость. Скидавай рюкзак.
За всю разлуку дай мне наглядеться.
Упрел, поди, в дороге... Пыль, как лак.
Вон рукомойник, пофырчи, как в детстве.

Мне почту принесли... Читал, читал
благие опыты твои в журналах.
Чекан души бесспорен. Есть запал.
По собственным затесам добывал их...

Гостинцы — хорошо! Благословен
запас. Клади их в старое лукошко.
А помнишь:
мы в натертый ярый хрен
макали с пода пышные лепешки?

А бабка померла, спит под крестом...
Сельмаг в селе,
туда семь верст — далече.
Я часто щи хлебаю буздыком* ,
а дома хлеба некому испечь мне.

Но ты меня, прошу, не обессудь,
ведь я приноровился больше к сказкам,
и где уж не учую, может, суть
лирическую...
Что ж, не та закваска.

Горячий стих —
не на базаре торг,
и он не бревна, загнанные в запань,—
как из-под шага перепела вспорх,
как падающая звезда — внезапен.

Не подходи к работе налепке,
дабы у критиков не вызвать бзыка,
пиши плотней,
чтобы в живой строке
труба бы пела, искрилась музыка.

За жизнь,
будто за тяж, сильней держись,
за грядку воза, чтоб не опрокинуть...
Учись тетрадку подставлять под мысль,
а не под штоф казенки:
дар твой сгинет,

и руки задрожат, займется зыбь,
как прыгающий хвост у трясогузки.
Искусство слов —
плавуче, стрежень, глыбь,
оно, как лошадь, просит недоуздка.

Ну, Пушкин был... А ты сам по себе.
Некрасов жил,
и Лермонтов, и Тютчев.
А ты сам по себе!
В такой волшбе
ищи, выдумывай как можно лучше.

Так в колоколе серебро гудит,
удар — и он звучит,
зовет и манит.
Поменьше золота в строку клади,
оно, внук, предпочтительней в кармане.

Стих наметчаться должен,
говорком
проговориться. И тогда любовно
выхватывай пером их, как багром
плотовщики выхватывают бревна.

Встречай зарю, работай дотемна,
свой ключ найди,
все сразу не дается,
родник души вычерпывай до дна,
чтоб освежалась,
как вода в колодце.

НЕОТОСЛАННОЕ ПИСЬМО

...Мама, мама,
непрерывно нас атакуют.
Мы отбили врага.
Смерть не сдаст рубежи.
Вон клейменные
свастикой танки... Ликуют...
Берегите детей.
Ты Алене скажи —
пусть представит она
без слезы,
без рыданья
ткань живого огня,
в рост бегущих солдат,
стервенеющий
вражеский танк,—
и в преданье
занесенную руку
со связкой гранат.

---

* Без хлеба.

ГЕРБ ГОРОДА ЛИПЕЦКА

«Липа вековая» — песня раздается,
а душе неможется, а душе поется.
Что меня заботит, что припоминаю?
В синеве глубокой — липа вековая.
Старый город Липецк, а над ним
виденьем
поднялась вершина шелестящей тенью.
На листве медовой скачущие блики,
пировал под нею еще Петр Великий.
Ночью что есть силы месяц блещет
тонкий
и в прическе липы видится гребенкой.
Запахи овчины и дымок лучины,
у светца ночного девичья кручина.
Длится под ветвями жизни вечный топот,
чьих-то рук объятья, поцелуя шепот...
Посидеть под липой так и подмывает,
липа моя, липа, липа вековая!
Обниму твой стан я и прижмусь щекою,
сердце мое русское тихо успокой мне.
Древний город Липецк юным остается,
радуется, плачет, любит да смеется.
В небе над Россией, веткой помавая,
герб звучит, как песня «Липа вековая».

ГЕРБ ГОРОДА ГОРОХОВЦА

Мы с тобой, кажись, в Гороховце.
Городок приземистый, приметный,
он дождем умыт,
просушен ветром,
с вишенной улыбкой на лице.

Зацветает герб —
и счастлив взгляд,
шустро вьется, тянется, хлопочет,
на тычинах — шитым узорочьем —
пестрые воскрылия летят.

Луговые дали прочтены...
Милая,
он семь веков на Клязьме,
души наши в городке увязли,
юной радостью освещены.

Что ж, покойна старая земля.
Оглядимся да вспомянем —
редко
не садилися в застолье предки
без горохового киселя.

На каком не знаю повороте,
в сумраке
подкравшихся обид,
нас ведь время, друг, не пощадит,
как горох, нас тоже обмолотит.

Вечен герб!
И в свежей зеленце
средь тычин цветет неутомимо.
Старость?
Ну, о ней повременим мы...
Мы целуемся в Гороховце.

ГЕРБ ГОРОДА КИРЖАЧА

Гнездо совы. Оно во мгле листвы,
вращаются глаза мудрейшей птицы,
как маятник часов, клюв шевелится,
ритмично дышит зоб,
горят зеницы
ушедшей в оперенье головы.
В ветвях столетий выпукло таится
живое время!
Древний ток молвы
к нам из Афин донес величье птицы
глазастой, дали видящей,—
совы.
А в нашем городе
она слетела
из мглы листвы, из сумрака гнезда,
легко-легко, так мягко, пестротелой —
на щит,

Ван Дейк. 1599—1641. ПОРТРЕТ СКУЛЬПТОРА ГЕОРГА ПЕТЕЛЯ. Вероятно, 1627—1628.

Старая Пинакотека. Мюнхен.

Ван Дейк. ОТДЫХ НА ПУТИ В ЕГИПЕТ. Между 1627—1632. Старая Пинакотека. Мюнхен.

чуть-чуть седа и молода.
И медленно из века в век пройдя
и оттиски зимы, штрихи дождя,
и летний шум дерев,
как трепет ситца,
и яроводье рек, и крепкий ледостав,
в моих зрачках
топорщится, искрится.
В зеленом поле, крылья распластав,
она на пень березовый садится.
Киржач!
Твой герб неподражаем.
Былью
глядят вперед из-под раскрытых крыльев
огромные округлые глаза.
Мысль трудится...
А травы гнет, скользя,
густая ветреная синева.
А когти в пень вошли едва-едва...
Ты, птица,
символ мудрости —
сова.

КОНЦЕРТ ЕЛЕНЫ ОБРАЗЦОВОЙ

Я морем был, вечерним морем был,
кругом меня вздымалась пена рук,
я вслушивался,
вместе с бурей плыл,
а голос пел о горечи разлук.

А голос пел;
он в сердце мне вплывал,
нагаданно звучал, мерцал, как зной,
пронизывал консерваторский зал —
и вырывался на простор земной.

А сцена наплывала кораблем.
Сиянье
горделивой головы.
Дымилось платье на ветру кругом.
На ростре — впереди стояли Вы.

И поднимали волны синевы,
так мнилось,
палубу и вихорь следа...
Рояль звучал — и пели, пели Вы,
Самофракийская Победа!

* * *

Мозг охватило тишиной.
Как двери хлопают, не слышу.
Глаза горят — и мир иной
повертывается и дышит.

А неба обморочно дно,
набитое кровавой дробью,
и лезет сквозь кусты в окно
больной луны звероподобье.

* * *

Бессонница. Без черной хмари
нагая мысль владеет тут,
светло, как летом в Заполярье,
перемежаясь, облака плывут.

Боль разума — Анастасия,
все тише режет, меньше жжет,
и время, как анестезия,
боль пересилит, боль замрет...

СТЕПЬ НОЧЬЮ

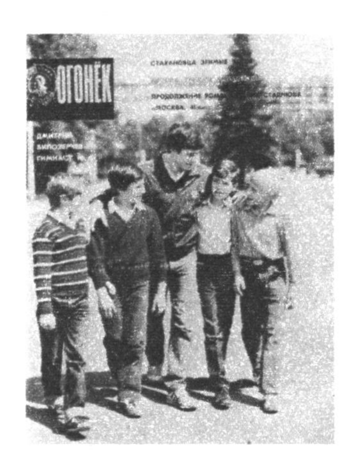
Ночь. Степь. Ты слышал ли когда-нибудь
в распадинах, в оврагах, на равнине —
детеныши сосут природы грудь?

Остановись! Замри посередине,
почувствуй наслажденья всхлип и всхрап,
и всплеск воды, и перебежку лап.

И тени хмурые вблизи видны,
и ржанье жеребенка издалека.
В логу, в кустах тумана поволока,
при волчьем солнце пашут кабаны.

Мышкует лис, двух перепелок спор,
рев выпи, скрип угрюмый коростеля,
сосцы травы хрустят, трещат растенья...
Вдали упавшая звезда — костер.

ГИМНАСТ № 1

На обложке журнала Дмитрий Билозерчев. Ему 18 лет, а он уже абсолютный чемпион мира-83, Спартакиады народов СССР, двукратный абсолютный чемпион Европы.

Совсем недавно, в начале июня, во Дворце спорта столицы Норвегии Осло наш гимнаст на европейском первенстве установил своеобразный рекорд, завоевав сразу шесть золотых медалей из семи возможных!

«Билозерчев был самой яркой звездой из 65 участников чемпионата»,— писала газета «Франкфуртер альгемайне» (ФРГ). «Ожидалось, что Дмитрий подтвердит в Осло свой высокий класс, но такой подготовленности, как у него, не показывал еще никогда ни один гимнаст»,— восторгался комментатор английской «Гардиан». «Никому из любителей гимнастики не удавалось еще наблюдать за такой феноменально трудной и одновременно выполненной столь элегантно программой. Да, Билозерчев — чемпион на все времена»,— констатировала французская газета «Либерасьон».

Что же, Дима Билозерчев никогда не ошибается? Не знает, что такое неудача? Нет. В этом году на чемпионате страны в Алма-Ате он вдруг допустил две грубые ошибки, занял седьмое место. Простудился накануне, но решил все-таки выступать — ради команды. Его тренер Александр Сергеевич Александров волновался, а Дима его успокаивал: «Сам виноват. В Осло все будет в порядке». И в Осло было все в порядке.

...Он входит в зал ЦСКА — спокойный, сосредоточенный, но, увидев друзей, расплывается в улыбке. Для них он не абсолютный чемпион мира, не первый номер сборной, а просто Дима Билозерчев, студент-заочник первого курса института физкультуры.

Его тренер Александр Сергеевич Александров тоже занимался в ЦСКА и тренером стал работать в родном обществе. Дима Билозерчев из его первого набора. Александров прекрасно помнит, как в 1974 году во время одной из его вылазок в школы в поисках способных мальчишек он уже под вечер попал в школу № 818. Ребят он уже не застал, а учителя физкультуры нашел и попросил отобрать ему трех первоклассников по трем показателям: сколько каждый может подтянуться, отжаться и как быстро бегает. В назначенный день к Александрову пришел только один мальчик — Дима Билозерчев, вместе с отцом. Как оказалось, Владимир Николаевич работал газоэлектросварщиком, его жена Вера Дмитриевна оператором ЭВМ, оба заниматься сыном могли только по выходным и очень хотели устроить мальчика в какую-нибудь спортивную секцию. Правда, Владимира Николаевича привлекал хоккей, и к гимнастике он относился с недоверием, но уж тут выбирать не приходилось, и Билозерчев-старший попросил Александрова лишь об одном — освободить Диму от лишних килограммов, а то соседские мальчишки ему дали кличку «Толстый».

Александров выслушал просьбу отца и подумал, что, пожалуй, мальчику лучше бы в самом деле записаться в хоккейную или борцовскую секцию, а потом решил: «Что ж, сам виноват, что пригласил мальчика». И сказал: «Оставляйте сына. Гимнастика ему поможет».

Димка оказался на редкость шустрым, подвижным. Ребятам ни в чем не уступал. Но это в смысле озорства. А к гимнастике, как Александров и опасался, относился прохладно. Летом пришла пора отобрать лучших для поездки в спортивный лагерь — мест всем не хватало, Билозерчева пришлось оставить в Москве. Но осенью он пришел в зал как ни в чем не бывало. Тренировался охотно, а Александров каждый раз поражался: откуда у него вдруг такая координация появилась? За зиму обогнал всех лидеров его группы.

Тут подошел черед первых в жизни Билозерчева соревнований. Разыгрывалось первенство спортшколы для самых маленьких. Второклассник Билозерчев занял третье место и... расплакался. Он-то уже считал себя победителем.

Гимнастические дела у Димы пошли резко в гору. Уже через четыре года он выполнил первый взрослый разряд! Александров от своих коллег только и слышал: «Ну повезло тебе, Александр Сергеевич, ну повезло. Такой талантище отхватил!» Но он на талант Димы не надеялся, а надеялся на свою тренерскую хватку. Тщательно взвешивал, какую программу дальше разучивать, какие элементы выбрать основными, что придумать новенькое, необычное.

И придумал. Решил попробовать учить Диму оборотам на перекладине на одной руке. Многие пытались, да никто так и не сделал. Говорили: «смертельный номер». А осенью 1978 года на молодежном первенстве страны Дима этот трюк показал. Ахали, восторгались, конечно, а сам тренер немного огорчился — занял Димка только четвертое место: ошибки на других снарядах подвели. И снова работа. Через два года Дима стал чемпионом страны по программе кандидатов в мастера. И еще через год пришла победа на турнире юных гимнастов социалистических стран «Дружба» и звание мастера спорта международного класса. А Дмитрию тогда не было еще и пятнадцати.

Чемпионат мира-81 Дима вместе с тренером Александровым смотрели с волнением и очень болели за Олю Бичерову: во-первых, она тоже занимается в ЦСКА, а во-вторых, Дмитрий учился с Олей в одном классе 220-й школы. Какова же была их радость, когда Ольга превзошла всех! Их же впереди ждали серьезные испытания — чемпионат Европы среди юниоров в Турции. Всю зиму они готовились к этому престижному турниру. Молодежную сборную страны возглавил Николай Ефимович Андрианов, и он очень рассчитывал на Билозерчева, который радовал стабильностью и чистотой упражнений. Что и говорить, нервная система у Дмитрия отличная. Спокоен, уравновешен. И в Анкаре он завоевал абсолютное первенство, пять золотых медалей в отдельных видах и еще серебряную в упражнениях на перекладине. Ну а остальной его путь всем известен. Вот какой он, наш юный чемпион!

Владимир ГОЛУБЕВ,
мастер спорта

А. Г. Стаханов. «Огонек», 1935 год.

СТАХАНОВ
ЗР

«Он рубал один, в большой гулкой лаве — теперь ему не было тесно. Молоток дрожал от избытка воздуха, он гудел, как самолет, но подчинялся твердо руке мастера. Впервые за забойщиком шли крепильщики. И не успевали. Большое дело начиналось здесь,— дрожащий свет лампы освещал взволнованные лица, но люди не чуяли еще размаха всего, что делали. Они знали только: работать, как раньше, нельзя. И каждый удар молотка Стаханова попадал в самые уязвимые места старого Донбасса. С грохотом рушились традиции. С треском ломались старые навыки, повадки, нормы... Гул отсюда пошел по всей стране».

Да, пятьдесят лет назад гул отсюда пошел по всей стране. Та жаркая августовская ночь Донбасса, взволнованно запечатленная в очерке Бориса Горбатова (он не мог писать иначе — спокойно — об Ирмино, потому что здесь, в километре от «Центральной», его отчий дом), ознаменовала начало массового движения новаторов социалистического производства, поименованного стахановским.

Истоки этого небывалого в истории творческого порыва масс уходят к коммунистическим ленинским субботникам времен гражданской войны, к изотовскому движению — прообразу современного наставничества, к почину Паши Ангелиной, создавшей в 1933 году первую в стране женскую тракторную бригаду...

Рекорды устанавливали и другие — у реверса паровоза и за рулем трактора, у штурвала комбайна, на станках и молотах, у мартенов и на кирпичной кладке... Но он, «владевший отбойным молотком столь же искусно, как рыцарь,— по образному выражению писателя,— шпагой», был первым и потому самым смелым, он, забойщик Алексей Стаханов.

Мы уже сообщали о том, что в преддверии полувекового юбилея этого события в «Огоньке» состоялась встреча трех поколений разведчиков нового, тех, кто, овладевая современной техникой, изыскал и нашел резервы быстрого повышения производительности труда («Огонек» № 50, 1984 г.). Однако первые встречи с инициаторами стахановского движения в редакции журнала происходили в 1935-м и в последующие годы. В послевоенное время за нашим «круглым столом» побывали Алексей Стаханов, Петр Кривонос, Мария Виноградова, Александр Бусыгин, Константин Борин, Иван Гудов, Мария Демченко, Татьяна Федорова, Михаил Привалов («Огонек», 1972 г., №№ 27 и 33. «Встречи с героями первых пятилеток»).

С этого номера мы начинаем печатать рассказы участников нынешней встречи, встречи трех поколений, дополненные фотографиями, ранее опубликованными в «Огоньке».

Н. А. Изотов. «Огонек», 1935 год.

Встреча трех поколений. «Огонек», 1984 год.

ЦА ИМЫЕ ЧЕРТЫ...

Иван СТРЕЛЬЧЕНКО, начальник участка шахты «Трудовская» объединения «Донецкуголь», депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда

...В 1964 году весь Донбасс говорил о победителе в соревновании коллективов коммунистического труда — бригаде с шахты № 5-бис «Трудовская» Ивана Стрельченко.

А. Г. Стаханов отозвался о ней так:

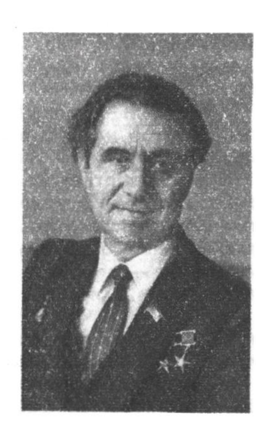
— У него бригада что тебе целый участок — сто сорок человек. Они за месяц достали полсотни тысяч тонн угля. Это больше, чем вся моя «Центральная-Ирмино» давала в тридцать пятом. Участок механизированный, да горняки подобрались что надо, молодняк...

ОТ ИМЕНИ ДОНБАССА

Донбасс... Громадная угольная страна, границы которой до сих пор труднопредсказуемы. Сотни шахт, десятки обогатительных фабрик и заводы, заводы, заводы...

Донбасс — колыбель трудового подвига, здесь все напоминает о нем: объединение «Стахановуголь», город Стаханов, самая крупная в бассейне шахта имени Стаханова.

Стахановец. Ко многому обязывает это имя, и люди несут его высоко, с гордостью и честью, как факел...

В нынешнем году, озаренном светом славного юбилея, почти каждый день узнаешь: «досрочно», «досрочно»... Вести идут со всех краев. Рабочие и колхозники самых разных профессий считают за честь, как в те далекие горячие тридцатые, трудиться по-стахановски. В чем же такая неодолимо притягательная сила стахановского почина?

Дело, конечно, не в 102 тоннах, добытых Алексеем Григорьевичем в ту историческую смену, и не в четырнадцати нормах, им соответствующих. Это уже, как говорят, финал, финиш. За этими тоннами и нормами вижу большее. Новая техника? Да, Стаханов ее освоил: вместо обушка отбойный молоток. Но не только, он шагнул еще дальше: придумал по-новому организовать работу. Разбил ее на операции: это — забойщики, это — крепильщики, это — откатчики угля.

И вот что характерно: рекорд Стаханова как бы прорвал плотину, искусственно сдерживающую поиск новых путей подъема производства. Донбасс стал своего рода творческой лабораторией шахтеров. После стахановской технологии появились графики цикличности Ивана Бридько. Горловский забойщик Алексей Тюренков предложил объединяться в бригады. А Николай Мамай, неудовлетворенный тем, как идет соревнование — «за проценты», предложил, чтобы каждый забойщик добыл за смену не менее тонны угля сверх плана, «чтоб каждого за душу брало». Мамай работал тогда на «Северной», в том самом Краснодоне, где действовали молодогвардейцы. Алексей Григорьевич как раз вернулся из Караганды, где он трудился в войну. Я к тому времени, отслужив на Военно-Морском Флоте, начинал работать на шахте «Трудовская», в Донецке. Голоса еще не подавал, осваивался, присматривался к старшим.

Голос подал Николай Кольчик из города Тореза, где стал работать Стаханов. Кольчик дополнил Мамая: «Давайте соревноваться так, чтоб на каждой тонне еще один рубль сэкономить».

Время было интересное. Николай Мамай, уже будучи Героем Социалистического Труда, стал, работая на шахте «Суходольская № 1», инициатором комплексной механизации в угольной промышленности и перевыполнения планов путем внедрения новой техники. Снова новой техники. Другой наш знатный шахтер, Кузьма Северинов, обсуждал со своим коллективом заповеди нравственного кодекса бригады коммунистического труда. Во всех этих делах Стаханов так или иначе если не участвовал лично, то вдохновлял на свершения. К нему ездили советоваться, обмениваться мнениями.

Мне посчастливилось не только видеть и слышать Алексея Григорьевича — я очень хорошо знал его, неоднократно встречался по нашим делам, когда стал бригадиром. Бригада была у нас непростая — сквозная, комплексная, объединившая всех, кто работал в лаве. Так было надо для отечественного узкозахватного комбайна К-52. Нам его доверили по рекомендации ветеранов первых пятилеток. Мы начали его осваивать первыми в стране, учили, можно сказать, ходить, предлагали свои поправки. Первый рекорд добычи угля на комбайне 2К-52, всеукраинский, мы установили в 1964 году, а второй — он уже был мировым — через семь лет в честь 250-летия со дня открытия угля в Донбассе, за 31 день выдали 170 тысяч тонн угля. Произошел, так сказать, качественный скачок в угледобывающей промышленности — не индивидуальный рекорд, а всей бригады. В наши дни звезды на копрах зажигают не одиночки, а коллективы. В этом главная примета времени.

В 1976 году после окончания без отрыва от производства Донецкого политехнического инсти-

тута меня на той же «Трудовской» назначили начальником участка. И тут нам предстояло одолеть новые, невиданные рубежи. Дело в том, что пошли разговоры о бесперспективности дальнейшей разработки глубинных пластов и закрытии «Трудовской». Неизвестно, как бы решился этот вопрос, если б институт «Донгипроуглемаш» не разработал породозакладочный комплекс «Титан». Когда к нам приезжал Алексей Григорьевич Стаханов, мы как раз получили «Титан». Ему не было тогда равных в мировой практике. И вот последний спуск в шахту в присутствии Алексея Григорьевича. Мы залезли в лаву и смотрели, как работает комплекс. Вспомнились отбойные молотки и свечи в лаве... Даже сравнивать нельзя было. Слон и мышь... Этот «Титан» мог давать 18 тысяч тонн угля в месяц, а еще через девять лет мы смогли установить с его помощью еще один мировой рекорд добычи из тонких пологих пластов. Впервые в Донецкой области добыли за год миллион тонн из одного очистного забоя лавы. Сейчас мы используем очередную разработку этого же института.

Словом, наступление новой техники в Донбассе идет широким фронтом. Взамен стареющих в забой шагают механизированные комплексы на современном уровне с автоматическим и программным управлением.

Алексей Григорьевич для меня очень близкий человек. У меня сохранилось теплое воспоминание о нем. Он дорог нам, донбассовцам. Все мы выросли из его спецовки. В республике принято решение о том, чтобы в городе, где Стаханов установил свой рекорд, открыть к 50-летию стахановского движения памятник. В городе Торезе, где он работал последние годы, будет вечно гореть огонь Трудовой славы, торжественно зажженный на главной площади.

И все ярче разгорается соревнование шахтеров. Радостные вести идут из Караганды, Воркуты, с Урала и Кузбасса. Все больше бригад, дающих по тысяче тонн угля в сутки. Но тут я должен снова вернуться к нашему Донбассу. Недавно был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Владимиру Игнатьеву, бригадиру с шахты «Краснолиманская», звания Героя Социалистического Труда. В августе его бригаде удалось взять за сутки в лаве-богатыре, длиной в триста метров, 12 013 тонн энергетического топлива. Вот это и есть достойный подарок юбилею. В год бригада дает по миллиону тонн и работает без аварий. Но что особенно радует: она ведь комсомольско-молодежная! Шахтерская эстафета в сильных молодых руках!

ОСЕДЛАВ ТЕХНИКУ

Хатмулла СУЛТАНОВ, буровой мастер Туймазинского управления буровых работ объединения «Башнефть», депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, полный кавалер ордена Славы.

Мы с ним встречались в редакции «Огонька». Пятнадцать лет назад. Хатмулла Асылгареевич был участником «круглого стола» солдат Великой Отечественной войны, удостоенных трех степеней ордена Славы.. Но тогда у него еще не было золотой медали «Серп и Молот» за мирный труд. В третий раз земляки избрали Х. А. Султанова депутатом Верховного Совета СССР.

Мы знали, как он воевал, как участвовал в штурме Берлина. А вот как добывает нефть!..

Про рабочий поселок Кандры, вероятно, никто не слыхал? Да, конечно же, невелик он: всего десять тысяч человек в нем проживает, и ровно десять лет ему. А раньше тут была деревня. До райцентра, города Туймазы, сорок пять километров. Одна школа, одна поликлиника, магазин, кафе, пятиэтажные дома. Дом техники будет, я, как депутат, хлопочу об этом.

До семидесятого года бурильщиком был, но не сразу стал им. Сначала, как с фронта вернулся, работал помощником бурильщика. Понравилась мне эта профессия. Нелегкая, неуютная. Но зато с романтикой. Поиск. Все равно как на фронте, когда в разведку ходил. Помню еще деревянные долота, по девять месяцев одну скважину бурили. Мы, конечно, старались бурить по две скважины в год. Но потом пришла новая техника, и дело пошло живее. Не с такими рекордами, как у Стаханова, получалось вначале, но с неуклонным ускорением. Профессии у нас и у шахтеров ведь родственные: они добывают из глубоких недр уголь, а мы — нефть. Примечательно, что в свое время нефтяники Азербайджана, услышав о рекордах шахтеров Донбасса, вызвали их на соревнование.

В связи с этим мне хотелось обратить внимание на то, что в соревновании сегодня нам не хватает гласности и торжественности. Запомнилась статья одного азербайджанского нефтяника, опубликованная недавно в «Правде», он стахановец, как говорят, «первого призыва». Когда он, еще в те годы, добился успеха, его премировали... сапогами. Тогда, в тридцать пятом, это был хороший подарок. Но как премировали? Прилюдно, при всем народе. Все видели, как хорошо его отличили. А сейчас как мы получаем премию? Распишемся у окошечка в кассе и пошел. В той же самой ведомости, между прочим, распишется и тот, у кого удержали за брак и прогул. Думается, нашим профсоюзным активистам есть тут над чем подумать.

Стахановские уроки не утратили своей силы и сегодня. Они сказываются в том, что люди все больше ощущают себя хозяевами производства, растет их ответственность за все, что делается вокруг. Взять хотя бы наше Туймазинское ордена Трудового Красного Знамени управление буровых работ. По плану надо было пробурить 664 скважины, а сделали 742. Пятилетку выполним к юбилею стахановского рекорда. А ведь условия добычи усложняются. Надо забираться все глубже и глубже.

О себе. С семидесятого года буровой мастер. Сначала был подменным, потом принял отстающую бригаду. Это еще в городе Октябрьском было. Сейчас там сформированы вахтовые бригады, которые помогают нефтяникам Западной Сибири и Севера: тюменское притяжение действует. Одну из них возглавляет мой ученик, мастер Кабанов, практику у меня проходил. А я вывел тогда эту отстающую бригаду в передовые, оставил вместо себя Кабанова и принял новую, которая не справлялась с планами. Все ребята молодые. «Надо,— сказали мне,— помочь». Так я оказался на Ардатовской нефтяной площади, что возле Туймазы. Тут трудные геологические условия. Но вот снова поступила новая техника: электробуры вместо гидробуров, которым нужны были насосы, а они часто выходили из строя. Как мы обрадовались электробурам! Другие скорости, высокая стойкость долот. Отличная, словом, техника. Наше объединение, кстати, успешно выполнило задание по их освоению!

Настроение у моих комсомольцев поднялось, дела пошли лучше. Наша бригада достигла в этой пятилетке наивысшей по управлению буровых работ производительности труда. Свою одиннадцатую пятилетку завершаем в июле. План выполнили досрочно. А соперников в соревновании много — девятнадцать коллективов. На совесть, по-стахановски стараемся потрудиться к XXVII съезду партии...

О нашей бригаде. Я уже говорил, что она комсомольско-молодежная. 22 человека. Три коммуниста, восемь комсомольцев. Кто со средним образованием, а кто — Белал Закиров, например,—учится в техникуме. Групкомсорг у нас Анатолий Никишин, слесарь по оборудованию,— моя опора. Веселый, жизнерадостный человек. К слову сказать, и дети мои, и родственники по «нефтяной» линии пошли. Один сын — заместитель главного инженера на нефтеперерабатывающем заводе в Красноводске, другой работает во ВНИИ по сбору, подготовке и транспорту нефти и нефтепродуктов. Сестра — техник нашего стройуправления, братишка — оператор. Фамильная, так сказать, профессия.

Рассказы выступавших записали
Г. КУЛИКОВСКАЯ, Ю. РОМАНОВ.
Фото Л. Шерстенникова, Ю. Романова, А. Бойцова.

Н. КРЫЛОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

Дверь открылась, и я оказалась в квартире, обставленной новой современной мебелью. Диван, кресла и — мечта новосела — «стенка». Вместительные шкафы, полки, место для телевизора и проигрывателя, для книг и посуды. Никакой полировки и прочих украшений. Тем и радовала глаз.

Не буду интриговать читателя: хозяина у этой квартиры нет, а адрес такой — город Хеллерау близ Дрездена, где находится головное предприятие известного в ГДР мебельного комбината. Вся обстановка этой квартиры — образец его будущей продукции.

— В сентябре 1985 года она пойдет в серию,— рассказывает один из авторов комплекта, главный архитектор комбината Герт Гросспетцш.— Наше предприятие уже лет пятнадцать выпускает секционную мебель, она пользуется большой популярностью, на 40 миллионов марок мы ее продали...

В ГДР строится очень много жилья, новоселов становится все больше, их требования — все выше. Какой должна быть мебель девяностых годов? Ответ предстояло дать конструкторам и дизайнерам. С чего они начали? С рисунков, эскизов?

— Нет, с детальнейшего изучения достоинств и недостатков существующих серий,— отвечает товарищ Гросспетцш.— Постарались все учесть и предусмотреть. И вот результат: шкафы стали глубже, появились дополнительные секции, которые можно установить наверху, если высота квартиры позволяет. Долго искали цвет. Остановились на темно-оливковом. С ним сочетается много тонов, а это значит, что каждый может подобрать занавески и обои по своему вкусу.

Словом, с точки зрения покупателя, новая мебель лучше, это ясно. А с точки зрения тех, кто будет ее выпускать?

Герт Гросспетцш открыл толстую папку. Она называется «целевая тетрадь» конструкторов и дизайнеров. В ней приведен подробный анализ затрат материалов, времени и труда на каждую деталь. И по этим показателям мебель, разработанная проектировщиками, превосходит свою предшественницу. А потому предприятие заинтересовано в переходе на выпуск новых изделий.

На международных ярмарках в Будапеште и Лионе торговые фирмы Англии, Франции уже заключили контракты на поставку мебели из Хеллерау, а на Лейпцигской ярмарке она получила очень почетную награду — медаль «Хороший дизайн».

Ее называют «белым золотом», эту медаль из мейссенского фарфора. На лицевой стороне два пересекающихся круга образуют начальные буквы слов «хороший дизайн». Медали этой удостоены пассажирский пароход и столовый

сервиз, детский конструктор и цейсовский микроскоп, школьный ранец и сварочный аппарат.

За что же присуждается «белое золото»? С этого вопроса начался наш разговор со статс-секретарем Мартином Кельмом, возглавляющим в ГДР Управление технической эстетики — сокращенно УТЭ. Учреждение это не подчиняется какому-либо ведомству, а действует при Совете Министров республики. Это весьма существенно, и дальше станет ясно, почему.

— Главная наша задача—влиять на промышленные исследования и разработку новых изделий,— говорит товарищ Кельм.— Идея, конструирование, внедрение —три этапа рождения любой новинки, будь то станок или платье. Так вот, дизайнер должен получать слово на самом первом этапе. Чтобы это было реальностью, на комбинатах, крупных предприятиях есть свои специалисты по технической эстетике. Каждое предлагаемое изделие получает государственную оценку. Ее дает совет экспертов. И если оно удостаивается хорошей оценки за дизайн, то предприятие получает за новинку на два процента больше, ему выгодно ее выпускать, и оно стремится такую оценку заслужить. Если же завод выпускает продукцию, которая не удовлетворяет УТЭ, то вместе с другими государственными организациями оно может на десять процентов снизить заводскую цену. Это, естественно, влечет невыполнение плана, лишение премий.

Итак, что же нужно, чтобы заслужить «белое золото»? Изделие должно соответствовать международному уровню, быть технологичным, изготавливаться из отечественного сырья, давать экономию по сравнению с предыдущей моделью. Так что специалист по технической эстетике вовсе не «украшатель», который наводит чисто внешний лоск.

Мартин Кельм привел интересные примеры, как поиск дизайнером современных решений вызвал перестройку целой отрасли.

У молодежи пользуется популярностью одежда из кожи. Шить ее из дорогого импортного сырья невыгодно: молодежная одежда должна быть доступной по цене. И в то же время в ГДР много свиной кожи. Чтобы получить из нее «благородное» сырье, пришлось изменить весь процесс обработки, начиная с бойни. Конечно, это потребовало затрат. Управление технической эстетики располагает специальными средствами для новых технических разработок. И такие вложения оправдываются. Комплект молодежной одежды из облагороженного отечественного сырья позволил сэкономить на импорте кожи четыре миллиона марок и получил на очередной Лейпцигской ярмарке медаль «Хороший дизайн».

Еще один рычаг, стимулирующий творческий поиск,— так называемые целевые премии, которые присуждает Управление технической эстетики. Что это такое? Статс-секретарь Кельм и директор соответствующего комбината подписывают контракт, в нем сказано, каким требованиям должно удовлетворять новое изделие и в какие сроки оно должно быть разработано. Если условия выполнены, назначается солидная премия — до десяти тысяч марок.

Такую целевую премию за дизайн получили, например, создатели маленького кухонного комбайна «АКА Унификс». На Лейпцигской ярмарке он пользовался успехом у зарубежных торговых фирм и принес большие валютные поступления в государственную казну.

— Но ведь кухонный комбайн в принципе не новинка на международном рынке. Их выпускают во многих странах...

— Да,— соглашается статс-секретарь,— а вот именно такого комплекса никто до сих пор не делал. Тут еще важен фактор времени. «АКА Унификс» состоит из многих приборов. Если бы мы на одной ярмарке показали только миксер, на следующей — мясорубку, то прошло бы пять — семь лет, пока появился весь комплекс. Тот же Крупп или Филиппс за это время успел бы выбросить на рынок свою модель. А тут мы оказались первыми. Вот как сработала целевая премия.

Это тактический прием в налаживании производства новых товаров. Управление технической эстетики имеет и свою стратегию. Оно подсказывает, в каком направлении наиболее целесообразно вести поиск. Пример? Пожалуйста. В ГДР нет своего хлопка, мало шерсти, но хорошо развито производство химических волокон. И УТЭ вместе с соответствующими министерствами проводит конкурсы на новые виды тканей. Результат — появление красивых современных тканей на базе отечественного сырья.

Очень важно для дизайнера знать конъюнктуру рынка. Так, в последнее время пользуется большим спросом комплексное оборудование для ванных комнат. Туда входят сантехника, кафель, шторы, набор белья и даже купальный халат. Такие комплексы предназначены в основном для гостиниц, и ГДР успешно экспортирует их. Оказалось, что это выгоднее, чем продавать отдельно белье, кафель, сантехнику. Но кафель и полотенца выпускают предприятия разных отраслей, как их «впрячь в одну упряжку», да притом быстро? Помните, вначале я говорила, что Управление технической эстетики — орган вневедомственный. Оно не зависит от какого-то конкретного министерства, а его рекомендации соответствующие предприятия **обязаны** включать в план.

Итак, слово дизайнера в последнее время все чаще оказывается решающим, когда речь идет о конкурентоспособности продукции ГДР на внешнем рынке. Это в области экономики. И в социальной политике художник-конструктор играет все большую роль.

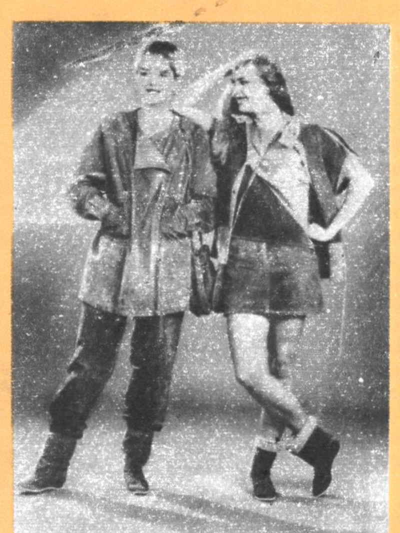
В прошлом году Совет Министров ГДР принял специальное постановление об оформлении «рабочей среды». От того, как выглядит цех, насколько удобно рабочее место, зависит настроение, а в конечном счете и производительность каждого трудящегося. Это влияет и на текучесть кадров. Вот почему в постановлении Совета Министров сказано, что в проектах новых заводов, цехов обязательно должен быть раздел «рабочая среда». Предусмотрено создание специальной мебели, осветительной аппаратуры и много другого. Эта большая программа уже начинает осуществляться.

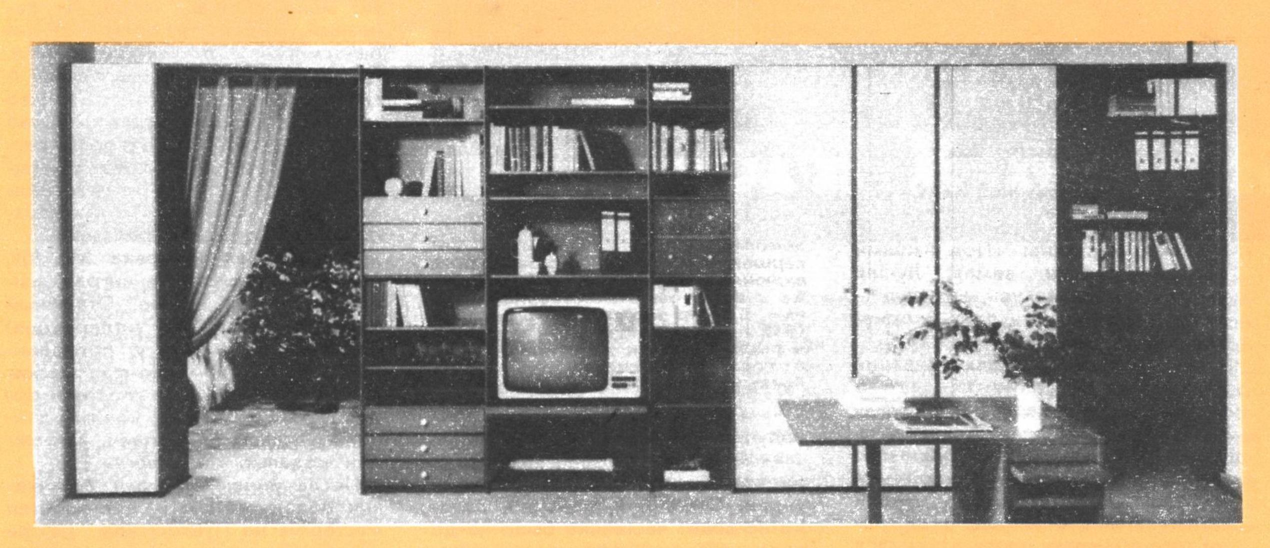
Берлин — Москва.

СЛОВО ДИЗАЙНЕРОВ

Комплект молодежной одежды из «облагороженной» кожи.

Секционная мебель комбината «Хеллерау».

Сервиз, удостоенный «белого золота».

СНАЙПЕР С НЕВСКОГО ПЯТАЧКА

К. ГРИЩИНСКИЙ

Передо мной черная ледериновая папка. В ней множество писем, адресованных одному человеку — Николаю Васильевичу Никитину. И хотя этим письмам более сорока лет, некоторые из них адресат так и не видел. Я разыскал Н. В. Никитина, который живет в городе Пушкине, и вручил его давнюю корреспонденцию.

— Как попали к вам эти письма? — удивился Николай Васильевич.

— Случайно. По каким причинам письма не дошли до вас, не знаю, но сохранил их бывший политработник Д. М. Анисимов. Он их получил от своего фронтового друга писателя К. Ванина. Потом эта папка попала еще к одному человеку, а от него ко мне. Здесь, кстати, не только письма, но и газетные вырезки военной поры. Так что берите и читайте, все это вам и о вас.

«Здравствуйте, Николай Васильевич! По радио я узнала, что вы истребитель и что на вашем счету около двухсот уничтоженных фашистов. Вы защищаете нашу свободу, наше счастье, наше будущее. Поэтому мы, работающие в тылу, мыслями всегда вместе с вами. Я работаю на оборонном заводе и обещаю вам, что буду работать еще лучше, еще больше продукции давать фронту. Очень хочется, чтобы вы, бойцы, знали: вы не одни, с вами весь народ! Горячий комсомольский привет всем вашим боевым товарищам.

Валентина Григорьева, г. Бронницы Московской области».

«Товарищ Никитин! Пусть хранит вас судьба от вражеской пули, пусть она не заденет даже краешек вашей шинели. Все мои родные погибли на фронте, защищая нашу Родину, честь, свободу и нашу светлую жизнь. У меня кипит ненависть к врагу неутолимая. Хочу быть пулеметчицей. Я уже изучила «максим» и пулемет Дегтярева.

Николай Васильевич, если вас ранит какая-нибудь злая пуля, я с радостью отдам вам свою кровь, хоть литр, а то и больше. Я донор, у меня кровь первой группы.

Передайте привет вашим боевым товарищам от московских девушек. Все мы готовы отдать свои силы для помощи фронту, наши дорогие защитники.

Нюра Чугунова».

Высоким патриотическим чувствам москвички Нюры Чугуновой вторит письмо от уральской девушки Вали:

«Здравствуйте, дорогой Николай Васильевич!

На фронте погибло два моих брата. Очень прошу: отомстите за них, за смерть всех других бойцов и мирных жителей, чтоб фашистским гадам впредь неповадно было лезть на нашу землю! Бейте до полного уничтожения! Бейте так, чтоб от фашистов не осталось мокрого места!»

А вот газета 86-й стрелковой дивизии «Сталинское знамя», сформированной в Ленинграде из ополченцев. Она сражалась на легендарном Невском пятачке.

Во всю ширину полосы, открывавшей номер от 3 апреля 1943 года, призыв: «Учись, молодой истребитель, бить врага, как Никитин!» Здесь же слова самого Николая Никитина: «Под нашими ногами — родная земля. Лучше уж лечь навеки в ней, чем чувствовать на себе хоть один укоризненный взгляд на том берегу...»

— О каком радиовыступлении идет речь? Как случилось, что о вас заговорили на всю страну? — спросил я у Николая Васильевича.

— Сам не знаю,— виновато улыбается Никитин.— До войны я работал на заводе, где выпускали коньки. Как все юноши и девушки того времени, много занимался спортом. Особенно хорошо шла стрельба: на соревнованиях я не раз завоевывал призы и награды. Когда грянула война, вступил в народное ополчение и стал телефонистом. Фронтовики знают, что такое связь — без нее ни шагу.

Особенно трудно было обеспечивать корректировку артогня, находясь на Невском пятачке: телефонный кабель прокладывался через Неву, если он запутывался или обрывался, приходилось лезть в ледяную воду. Несколько рапортов подал я тогда, чтобы мне разрешили ночью обеспечивать связь, а днем бить гитлеровцев из снайперской винтовки. В феврале сорок второго, когда имена таких снайперов, как Вежливцев, Голиченков, Пчелинцев, стали известны всему фронту, включился в семью снайперов и я. Принимая винтовку № 201, я пообещал уничтожить из нее двести одного фашиста. К концу года, когда цифра стала трехзначной, решил разыскать своего брата, который работал в Госплане. Я не знал, что он находится в Куйбышеве, поэтому написал в Москву на радио, чтобы мне помогли связаться с братом. Совершенно неожиданно мое письмо включили в радиопередачу «Письма с фронтов Отечественной войны». В эфир оно вышло 16 декабря 1942 года. Обращаясь к землякам и родным, прося их откликнуться, я коротко рассказал и о своих боевых делах.

— Теперь все ясно. И много вы получили писем? — спросил я.

— Очень много. Но, как видно, не все. Те, что вы принесли, не видел. Ответил я, конечно, далеко не всем: частенько было не до писем. Хорошо помню, как я радовался, когда получил треугольничек от отца: он жил в Белоруссии и оказался в оккупации. Он писал: «Я снова свободный человек. Красная Армия спасла нашу семью от фашистского рабства... Все отобрали ироды, разорили нас. Били и мучили. Только ружье твое охотничье я схоронил. Не отдал его врагам, а отдал партизанам. Из твоего ружья убили семь фашистов».

А впереди у снайпера-связиста был прорыв блокады, бои в Прибалтике, штурм Кенигсберга.

Однажды Никитина вызвал командир роты.

— Вся надежда на тебя,— сказал он.— Надо уничтожить орудийный расчет противника.

— Винтовка против пушки? Попробуем...

В тот же вечер Никитин залег в засаду. Три дня он следил за вражеской позицией. На четвертый его терпение было вознаграждено: то самое орудие, о котором говорил командир, немцы выкатили на позицию. Только один снаряд успел выпустить расчет орудия. В считанные секунды раздались четыре винтовочных выстрела, и орудие осталось без прислуги. А вскоре его уничтожила наша артиллерия.

— Есть у нас, белорусов, поговорка: «Скорость да поспех — людям насмех»,— говорит Николай Васильевич.— Моим правилом было не спешить. Бить только наверняка. Не делать лишних выстрелов. Нашел цель — не горячись. А за винтовкой ухаживай, люби ее. Перед каждым выходом на «охоту» я проверял прицел, протирал его бархатной тряпочкой и делал несколько выстрелов по мишени. После этого в винтовке был уверен, как в самом себе.

— Читал я в дивизионной газете, что вы с детства хороший охотник.

— Верно. С юных лет ходил я на охоту со своим дедом—Родионом Марковичем Зуевым. Еще подростком заработал деньги и купил себе охотничье ружье, то самое, что отец схоронил от врага и отдал партизанам. Позже этот навык пригодился. Захваченные «языки» говорили: тому, кто поразит меня, обещана награда — железный крест, крупная сумма рейхсмарок и отпуск на родину.

В те дни дивизионка писала о снайпере: «Был разбит ствол его винтовки. Он сменил его. А рука стала еще тверже. И теперь, когда Николай Никитин, гроза немецких захватчиков, держит свою винтовку, ему кажется, что вся страна следит за его выстрелом».

Снайперская винтовка № 201, реликвия боев за Ленинград, ныне хранится в музее. Отважный воин истребил 220 гитлеровцев! За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, он удостоен орденов Отечественной войны I степени и Славы III степени, награжден медалью «За отвагу».

После войны Николай Васильевич более тридцати лет работал мастером на Пушкинском заводе электробытовых приборов. Боевая винтовка в музее, но бывший снайпер снова завел себе охотничье ружье. И вот однажды вместе с братом он оказался в угодьях, где охотились Маршалы Советского Союза К. Е. Ворошилов и К. К. Рокоссовский. Оба отличные стрелки и первый же выстрел Никитина оценили по достоинству.

— Кем были на войне? — поинтересовался К. К. Рокоссовский.

— Командиром отделения связи и по совместительству снайпером,— ответил Никитин.

— Вот это и видно,— улыбнулся маршал.— И глаз остер, и рука тверда. Живи же, дорогой, много лет, да былую солдатскую службу не забывай!

Нет, не забыл бывший снайпер Николай Никитин о боевом прошлом. Он верен ему. Поэтому его часто можно увидеть в школах и студенческих аудиториях, среди солдат и молодых рабочих...

Н. В. Никитин с внучкой Асей. Фото А. Медведникова

Сергей КУЛИК, политический обозреватель ТАСС. Фото автора.

Африка: тревоги и надежды

Один южноафриканский рабочий из Трансвааля сорок с лишним лет прожил под именем, которым крестили его родители,— Рональд. Но совсем недавно он обратился в приходскую церковь с удивившей всех просьбой — поменять это имя. «Я не хочу быть тезкой человека, который называет расистских убийц из Претории своими друзьями и снабжает их оружием,— сказал он пастору.— Мне надоело, что окрестные мальчишки, чуть завидев меня, презрительно дразнятся: «Рейган, Рейган!»

Этот пример, что называется, из глубины жизни народной — свидетельство того, что африканцы отлично понимают разницу между бескорыстной помощью Москвы и корыстными устремлениями Вашингтона на Черном континенте, что с империалистической, гегемонистской рейгановской Америкой африканским народам не по пути, что только разрыв с капиталистической системой и переход на путь строительства основ социализма может помочь уяснения того вопроса, что волнует на Черном континенте сегодня всех: «Куда идти дальше?»

«Двадцать пять лет, прошедшие с тех пор, как с политической карты Африки исчезли французские, бельгийские и английские колонии, показали, что африканцы делаются хозяевами своей судьбы лишь в тех странах, которые смело рвут с метрополией и отказываются плясать под вашингтонскую дудку»,— пишет мне учитель Траоре Диоп из Дакара. А вот какое мнение высказали участники недавно закончившегося в сьерралеонийском городе Магбурака международного семинара «Социализм и развивающиеся страны»: «Впечатляющих успехов на пути преодоления колониального наследия достигли в Африке именно те страны, которые встали на путь некапиталистического развития. И именно Советский Союз является той державой, которая помогает нам противостоять натиску транснациональных компаний, поддерживает наши требования об установлении нового справедливого экономического порядка. Это особенно важно сейчас, когда центр тяжести современных национально-освободительных революций все больше перемещается в сферу социального и экономического развития». За годы независимости африканские страны добились определенных ют, что уже в этом году от голода погибнет 5 миллионов человек. Каждые трое из пяти африканцев — всего более 200 миллионов человек — страдают от истощения.

Особенно пострадали государства так называемой сахельской зоны. Сахель по-арабски означает «окоем пустыни». К северу от этого окоема лежит беспощадная к человеку Сахара, которая в условиях нынешнего бездождья неотвратимо наступает на юг, поглощая под мертвыми песками еще совсем недавно плодородные поля, испепеляя горячим ветром зеленые пастбища.

Когда сегодня попадаешь в столицы западноафриканских стран, то чувствуешь лишь отголоски этого бедствия. В лучшем отеле ганской столицы Аккры погас свет, остановился кондиционер и липкая духота начала заполнять вашу комнату: это значит Вольта, одна из самых полноводных рек Западной Африки, обмелела настолько, что уже не может вращать турбины ГЭС. На рынке Нджамены, где некогда целые ряды ломились от «чадских даров», нет свежей рыбы? «Месье, так ведь уже почти нет и озера Чад,— объяснят вам местные жители.— Огромный водоем почти высох, по его дну бродят одичавшие козы, питающиеся сухими водорослями». В Ниамее вы спрашиваете: «Сколько стоят бананы?» — и, услышав цену, про- прожорливое, достигающее в длину 7—8 сантиметров создание. Опустошив север Мали, зловредный листоед двинулся теперь на Сенегал и Мавританию.

Круглый год проносятся теперь над Сахелем сильные бури, которые, как говорят местные жители, «хуже гарматана». В переводе «гарматан» означает «зло». Нынешнее — «худшее зло» — это горячий, сухой, неутихающий ветер с песком, который обжигает губы, спекает волосы, воспаляет глаза. Видимость из-за него настолько ухудшается, что самолеты по нескольку часов не могут приземлиться или взлететь.

Но засуха — это не только голод, солнце выжигает не только поля зерновых, но и плантации хлопка, сизаля, арахиса, обрекая на бездействие лишившуюся сырья местную промышленность. Из-за понижения уровня воды в водохранилищах значительно сократилась выработка электроэнергии. Многие страны вынуждены восполнять ее нехватку путем импорта нефтепродуктов, изымая для этой цели и без того ограниченные ресурсы иностранной валюты. В результате останавливаются стройки, заводы и фабрики. А это значит, что безработица, безденежье и голод стучатся и в двери домов рабочих окраин крупных городов.

Коренным образом меняется

Африке решить те огромные, невиданные ранее по своим масштабам проблемы, с которыми она сегодня сталкивается.

В моей почте, пестрящей марками Сенегала и Анголы, Лесото и Эфиопии, Марокко и Бурунди, в пухлых пачках дар-эс-саламских, алжирских газет, в пахнущих еще типографской краской журналах из Кении, Египта и Зимбабве всегда много материалов, рассказывающих о том, что вопросы выбора пути развития, методов преодоления нынешних трудностей находятся в центре внимания африканской общественности. Раскрепощение Черного континента, обретение многими его странами независимости началось в 1960-м, вслед за принятием ООН по инициативе СССР исторической Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. С тех пор 1960 год по праву называют «Годом Африки». И ныне — его двадцатипятилетие. «Серебряный юбилей» своего независимого развития отмечают Бенин, Берег Слоновой Кости, Буркина-Фассо, Габон, Заир, Камерун, Конго, Мавритания, Мадагаскар, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сомали, Того, Центральноафриканская Республика, Чад. Их опыт дает богатейший материал для выводов и обобщений, для достижений в этих сферах. Все меньше становится неграмотных, появились законодательства, улучшающие условия труда и жизни трудящихся, закладываются основы национальной экономики, свободной от западного контроля. Однако африканские лидеры и печать далеки от самоуспокоения. Даже в эти праздничные дни президенты говорят о голоде и болезнях, а некоторые газеты, причем отнюдь не в погоне за сенсацией, выносят на свои первые полосы мрачные, траурные заголовки: «Кризис усиливается», «Будущее трагично», «Погибнут миллионы».

В качестве главной и чуть ли не единственной причины нынешних бедствий многие называют затяжную, небывалую на памяти ныне живущих засуху. В некоторых районах дождей не было по 4—5, а в других — и по 10 лет кряду. В результате из 50 стран континента легче назвать те, которые обошло стихийное бедствие, чем выстраивать длинный список его жертв. Таких «благополучных» стран всего семь. Это Бенин, Гамбия, Того, Либерия, Экваториальная Гвинея, Габон и Зимбабве. О масштабах бедствия свидетельствуют страшные цифры, за которыми скрывается подлинная человеческая трагедия. Предсказыва-тягиваете соответствующую сумму в надежде получить за нее, как и прежде, целую гроздь. Но получаете всего лишь один банан...

Но стоит покинуть столичный асфальт и попасть на пыльный проселок сахельских дорог, как вы тут же сталкиваетесь с той страшной реальностью бытия миллионов африканских крестьян, которая в городе оборачивается всего лишь бытовыми неудобствами и дороговизной. В Мавритании дети ложатся на дорогу, чтобы заставить водителей автомашин остановиться, и просят у них еду. В Мали, вокруг города Мопти, некогда именовавшегося «африканской Венецией» за то, что его дома возвышались прямо над речными протоками и каналами, не видно ничего, кроме песка и огромных термитников. Люди разрушают их, добывая оттуда припасенную насекомыми пищу.

Повсюду колодцы высохли, а баобабы и акации увяли. Куда ни бросишь взгляд, вдоль красных дорог валяются выбеленные беспощадным солнцем кости, а то и высохшие трупы тысяч погибших от бескормицы коров, коз и овец. Отсутствие дождей и новые экологические условия вызвали бурное размножение невиданных ранее в этих местах насекомых — листоедов. Мне показывали это демографическая картина на всем континенте. Огромные области, испепеленные солнцем, практически полностью обезлюдели, а в долины рек устремляются сотни тысяч переселенцев. Появляются новые, не помеченные ни на одной географической карте населенные пункты, где люди живут в палатках, сооруженных на скорую руку травяных шалашах, а то и попросту в ямах, выкопанных в песке. Это лагеря беженцев, население которых порою исчисляется десятками тысяч человек, превосходя численностью жителей некоторые африканские столицы. Африка сделалась мировым рекордсменом по числу беженцев — их на континенте уже более 10 миллионов человек.

Эти факты, собранные воедино, дополненные официальной статистикой и обобщенные специалистами, вырастают в масштабах всего континента в ситуацию, требующую принятия неотложных мер. Хотя ныне Африка уже получает 50 процентов зерна, распределяемого в качестве международной продовольственной помощи развивающимся странам, этого оказывается недостаточно для того, чтобы предотвратить массовый голод.

Где же выход? Этот вопрос я слышал от многих африканцев. Да

и ответы на него в разных странах дают самые разные.

Американский вице-президент Дж. Буш, например, совершивший недавно вояж по ряду африканских стран, категорично рекомендовал им: «Следуйте советам из Вашингтона, и засуха, как и прочие неприятности, прекратится». Запугивая африканских руководителей «ростом социальной нестабильности» и «брожением низов», то есть, иными словами, антиправительственными выступлениями, предостерегая Африку от «социалистических экспериментов», а то и прямо называя прогрессивные преобразования в тех или иных странах главным виновником бед, посланец Белого дома раздавал рецепты, якобы не имеющие альтернативы: новые западные, в первую очередь американские, кредиты, упование на продовольственные подачки США, непременное использование экономических, а затем и политических требований стран-доноров.

В связи с усиленно рекламируемыми программами американской и прочей западной помощи называют долларовые суммы — многомиллионные, а то и миллиардные. Но это все корыстные, работающие на Вашингтон миллиарды. Они нацелены на то, чтобы превратить африканские страны в своего рода неспособных прокормить себя нахлебников Запада и поэтому вынужденных послушно исполнять волю «благодетеля». Если кому-либо это мое суждение покажется голословным, то приведу признание госсекретаря США Дж. Шульца, сделанное им «не для печати» в одной из комиссий палаты представителей и поэтому откровенное до цинизма. «Американская программа продовольственной помощи иностранным государствам служит защите наших жизненно важных интересов за границей... Продовольственная помощь — это одно из наших самых мощных видов оружия в Африке».

За этим признанием главы дипломатического ведомства Вашингтона стоит, в сущности, тот факт, что под аккомпанемент заявлений о «помощи» кичащаяся своим богатством и «благородством» Америка пытается побольше взять у голодающей Африки. Ведь широко рекламируемая Белым домом отправка по политическим причинам в некоторые страны залежалых американских продуктов с экономической точки зрения представляет собой не «проявление гуманизма», а всего лишь возмещение африканцам малой толики того, что грабят и наживают там банки и монополии США.

Для оказания «чрезвычайной помощи» 20 африканским странам, наиболее пострадавшим от засухи, необходимо 1,5 миллиарда долларов. А между тем только за последние три года американские монополии выкачали из Африки 4 миллиарда долларов прибылей. На каждый доллар, вкладываемый в развивающиеся страны, американские транснациональные компании (ТНК) вывозят более 7 долларов. Неравноправные условия торгово-экономических отношений с капиталистическим миром оборачиваются для африканских стран ежегодной потерей 6 миллиардов долларов.

Еще один тяжелейший налог, который Запад и в первую очередь США вынуждают Африку платить за свою помощь,— это увеличение ее военных расходов, подключение развивающихся стран к глобальной гонке вооружений. В итоге за последние 20 лет военные расходы в Африке возросли более чем в 10 раз. Лидирует среди поставщиков «смертоносного товара» в страны Черного континента, конечно же, Вашингтон. Если сопоставить прибыль, полученную монополиями США только от продажи оружия африканским государствам с оказанной им же Вашингтоном экономической помощью, то получится соотношение 3:1.

Показательно: наименее развитые африканские страны, то есть те, в которых доход на душу населения ниже 200 долларов в год, тратят в среднем на военные цели почти столько же средств, сколько на развитие сельского хозяйства. Иными словами, гонка вооружений и голод в Африке находятся между собой в прямой зависимости.

На это, в частности, с тревогой было указано на состоявшейся недавно в Аддис-Абебе 10-й сессии Всемирного продовольственного совета (ВПС). «Ухудшение положения с продовольствием непосредственно зависит от продолжающейся гонки вооружений»,— заявил председатель ВПС Ю. Вилан. А заместитель председателя этой организации С. Сабали указал: «Мы хотим, чтобы Африку наводнили продовольствием, а не оружием».

Понятно поэтому, какую широкую поддержку и понимание находят в Африке борьба Советского Союза за мир, внесенное нашей страной в ООН предложение о переключении на нужды развивающихся стран части средств, сэкономленных в результате ограничения гонки вооружений.

И тут возникает законный вопрос: только ли засуха — причина тех трудностей, которые переживают ныне африканские страны, в том числе и те, где, подобно Либерии, не переставая идут дожди? Скорее всего стихийные бедствия лишь ярче выявили то, от чего африканские государства страдают уже много лет. Речь идет в первую очередь о навязанной им колониальной структуре экономики, о неоколониалистском характере отношений с империалистическими державами, которые вынуждают африканские страны расходовать свои и без того ограниченные средства на выплату процентов по долгам, закупку ненужного им оружия и т. д. И не оттого ли американская пропаганда так раздувает негативные последствия засухи, что стремится отвлечь внимание африканцев от той огромной доли вины за их страдания, которая лежит на Западе?

Ведь отнюдь не случайно, что в наиболее тяжелом экономическом положении сегодня оказались те страны Африки, которые числятся первыми среди получателей американской военной помощи и займов: Заир, Чад, Сомали. В этой связи следует упомянуть Судан — страну, где после происшедшего там недавно военного переворота вскрылись вопиющие факты развала, разложения ее экономики под американским прессом.

Я не раз бывал в Хартуме, помню этот город, выросший на берегах трех Нилов, и в пору всеобщих забастовок, и в дни антиправительственных выступлений. Но никогда еще суданская столица не видела на своих улицах и набережных столько возмущенных, как в те апрельские дни, когда пал проамериканский режим Нимейри. Многие из демонстрантов несли лозунги, еще больше людей их выкрикивали. И не будет, пожалуй, преувеличением сказать: лозунгов против Нимейри было не больше, чем против Соединенных Штатов, против рейгановского неоколониализма. Суданцы отлично знают, что в их бедствиях виновен не столько «хартумский султан», сколько его вашингтонские манипуляторы.

А через несколько дней после падения Нимейри иностранные корреспонденты впервые за много лет получили возможность встретиться в Хартуме с генеральным секретарем ЦК Суданской компартии Мухаммедом Ибрагимом Нугудой. 18 лет провел он в подполье, скрываясь от реакционеров. И вот — первое интервью, результат легализации компартии новыми суданскими властями.

— Положение в нашей стране сложилось отчаянное, настоящая катастрофа,— говорит глава суданских коммунистов.— Помощь, оказываемая США, носит половинчатый характер; американская пшеница превратилась в средство политического давления на Судан.

Сейчас у хартумских мальчишек-газетчиков бойкие дни, поскольку местная печать идет нарасхват: что ни выпуск — очередное разоблачение деятельности бывших министров, наживавшихся на голоде, горе и страданиях народных. На вопрос журналистов: «Будете ли вы судить Нимейри?» — председатель переходного военного совета Судана А. Сивар ад-Дагаб ответил: «Мы будем судить всю его эпоху в целом». А это значит, что захотят того официальные обвинители или нет, но на скамье подсудимых незримо окажутся и Соединенные Штаты, которые, по справедливому замечанию ливанской газеты «Ан-Нида», «подчинив своему диктату экономическую политику Нимейри, поставили суданский народ на грань голодной смерти».

Самая страшная новость, которая пришла в последние дни из Хартума и облетела весь мир: в стране насчитывается более 11 миллионов человек, находящихся на грани голодной смерти. Я повторю эту цифру: 11 миллионов умирающих в одной стране. Миллион суданских детей, как предупредил генерал Сивар ад-Дагаб, умрут уже в ближайшее время, если им не будет оказана незамедлительная помощь. И она бы, наверное, уже давно пришла, если бы свергнутый режим не превратил существование массового голода в Судане в государственную тайну, если бы Нимейри из престижных соображений лично не запретил своим министрам обращаться с призывом о помощи к международным организациям и если бы американская пропаганда не обманывала весь мир, пытаясь навязать Африке «суданскую модель» как пример достойного подражания. Находясь незадолго до переворота в Хартуме, Дж. Буш меньше всего говорил о путях решения продовольственной проблемы в Судане. Но зато он использовал суданскую территорию для грубых нападок на соседнюю социалистическую Эфиопию. Разберешься в этих наветах, и окажется: американский вице-президент все валил с больной головы на здоровую.

Никто и не отрицает масштабов трудностей, порожденных в Эфиопии засухой. Однако правительство этой страны, проявив чувство ответственности и здравый смысл, как только появилась угроза голода, послало миру тревожные сигналы о помощи. И подлинные друзья эфиопского народа тотчас же откликнулись на эти сигналы. Программа мероприятий по борьбе с засухой, координируемая Политбюро ЦК Рабочей партии Эфиопии (РПЭ), включает не только оказание срочной помощи пострадавшим, но и, что особенно важно, долгосрочные меры, призванные в будущем навсегда оградить людей от превратностей стихии.

Успешное наступление на засуху развертывается и в других странах социалистической ориентации. В Анголе, несмотря на непрекращающиеся военные провокации расистов и находящихся на их содержании банд террористов, большую помощь крестьянам в битве за урожай оказывают солдаты народной армии, а также рабочие заводов и фабрик. На Мадагаскаре общенациональный характер приняла «битва за рис», в ходе которой решается проблема самообеспечения продовольствием. В Конго общинники, поняв выгоды, которые сулит им кооперирование, объединяют свои земли и скот, с помощью присланной правительством техники отвоевывают целину у тропических лесов.

Потенциальные возможности выйти победителем из схватки со стихией у континента есть. Достаточно сказать, что в Африке находится более половины неиспользованных сельскохозяйственных земель нашей планеты. Если бы употреблять все эти земли так, чтобы получить на них максимально высокие для тропической зоны урожаи, Африка могла бы производить, по мнению Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), по меньшей мере в 100 раз больше продовольствия, чем ныне. А для того, чтобы прокормить всех африканцев, в текущем десятилетии необходимо лишь удвоить производство продуктов питания.

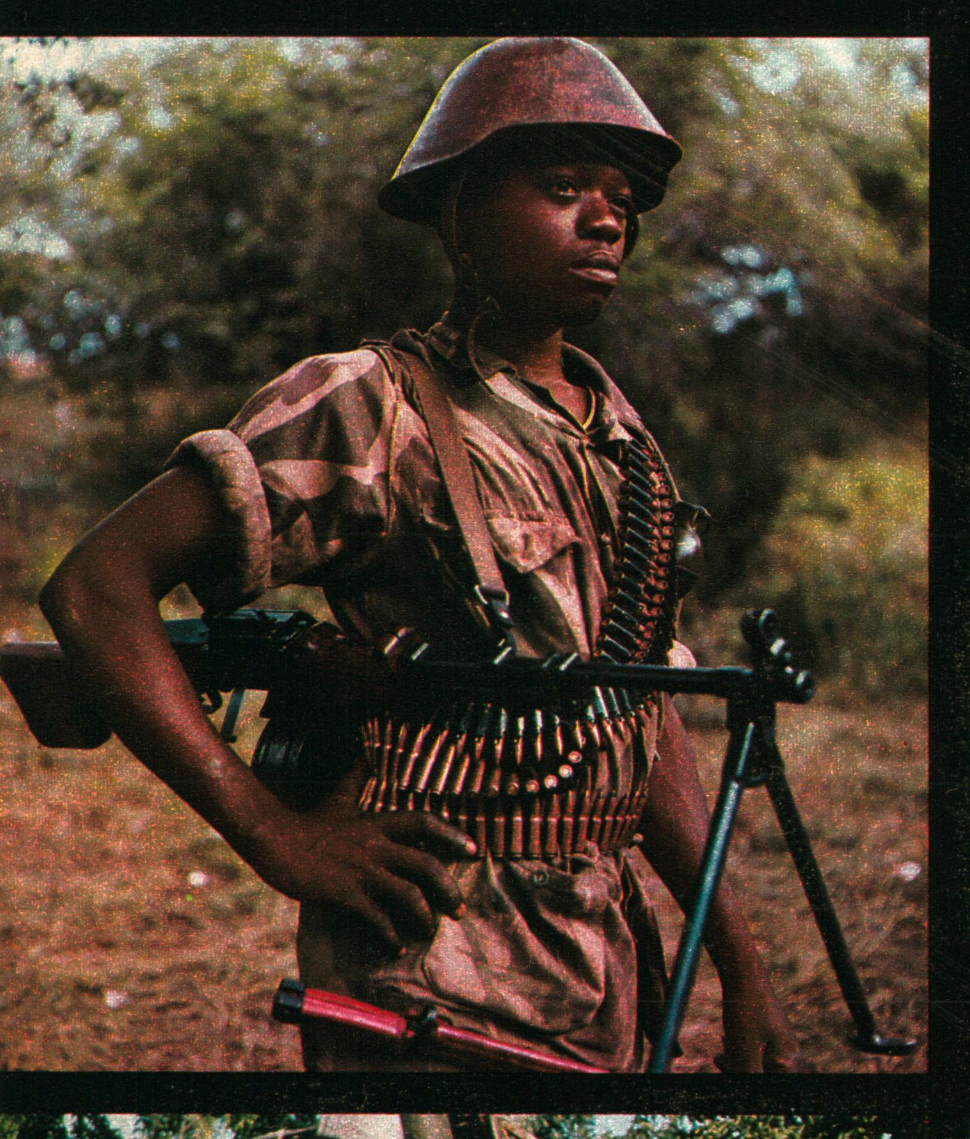
Вопрос, таким образом, упирается в финансовую проблему. О том, как получить необходимые средства, мы уже говорили. Разоружение — новый экономический порядок — развитие — таков императив нашего времени.

— Африке нужен всеобщий мир, разрядка — это тот международный климат, который предписан Африке для лечения ее недугов,— заявил президент Танзании Дж. Ньерере.— Недуги эти не из легких, но Африка — это не континент отчаяния.

Активистка женского движения из Масеру (Лесото) * Эфиопия: «Да здравствует революция!» * Торжества по случаю годовщины независимости в Анголе * Копра — сердцевина кокосовой пальмы — главная экспортная продукция Сейшельских Островов * Первое место в мире по производству пиретрума (далматской ромашки) занимает Кения.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: На страже независимой Африки * В мозамбикской деревне * Ковры из мохера ткут только в Лесото * Рыбаки на озере Туркан (Кения) * Школьница из Дар-эс-Салама * В Свазиленде — праздник.

Государственный ансамбль песни и пляски донских казаков... С 1970 года ансамблем руководит Анатолий Квасов, ныне заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР имени Глинки.

— Еще в начале века,— рассказывает Анатолий Николаевич,— собиратель песенного фольклора Александр Листопадов, совершив экспедицию по хуторам и станицам Дона, записал около двух тысяч народных песен. Это было начало. Впоследствии его собрание дополнилось новыми изысканиями. Сегодня в репертуаре ансамбля собраны интересные образцы (начиная с XVI века), показывающие яркий, самобытный характер фольклора. Здесь лирические, старинные, военные, свадебные, а также современные песни. В программу вошли и небольшие песенные циклы, объединенные одной темой, и песенные «веночки», составленные из величальных, хороводных, свадебных, лирических песен, былин. Песни на Дону не поют, а «играют». Так и говорят — «сыграть песню». Этого принципа мы придерживаемся — песня ко всему, что связано с добрым именем казака. Придираются,— смеется Квасов,— к каждой мелочи, но мы не сердимся, понимаем, что люди хотят доброго. Наша задача — сохранить правду, истину фольклора. И в песне, и в танцах, и в костюме.

Думается, секрет успеха ансамбля прежде всего в том, что у него есть великолепный фундамент — фольклор. А народная песня не может исчерпать себя, ибо говорит о самых святых чувствах: любви к Отчизне, матери, о чести, верности...

— Ансамбль донских казаков — явление уникальное,— рассказал лауреат международных конкурсов, профессор, заслуженный артист РСФСР Вячеслав Семенов.— Мне довелось работать с ним, а сегодня я наблюдаю его уже как зритель. Анатолий Квасов не только руководитель, художник, он душа этого коллектива. Потомственный казак, выходец с берегов Дона, с детства познавший красоту народной песни, танца. Инженер по профессии, Квасов поступил в институт Гнесиных на экспериментальное отделение руководителей

Песни Донского края

должна сочетаться с танцем, взаимно дополняя друг друга, образуя единое драматическое действо. Для каждой песни, будь то «Ермак», «Былина», «Калинушка», «Долина моя, долинушка», «Донская земля», «Черный-чернобровый», мы находили свой собственный рисунок, свои краски. Зрители полюбили и наши вокально-хореографические сюиты «Свадебная игра», «Донцы-молодцы», бытовой танец «Донской галоп», шуточные картинки «Когда казаки плачут», «Деды»...

Сейчас в ансамбле занято около ста человек — музыкантов, певцов, танцоров. Естественно, назвать всех не могу. Но хочу отметить работу хормейстеров, заслуженной артистки РСФСР Надежды Ломановой и Раисы Шапошниковой; солистов — лауреатов всероссийского конкурса Александра Мищенко и Игоря Перцева, заслуженных артистов РСФСР Любови Бондаренко и Георгия Горшенева; балетмейстера-репетитора, солиста ансамбля, заслуженного артиста РСФСР Анатолия Месечана; руководителя оркестра, заслуженного артиста РСФСР Бориса Огурцова.

Мы много ездим по Донскому краю. В станицах бережно сохраняются традиции казачества, и зрители весьма ревниво относятся народных хоров, стал учеником прославленного А. Юрлова. Анатолий — исследователь, буквально по крупицам собирающий наследие народной культуры, пропагандист подлинного искусства. Все в ансамбле единомышленники, все охвачены одной идеей — сохранить, вернуть нам, живущим в конце двадцатого столетия, очарование, красоту, мудрость народного таланта. Я никогда не забуду советов нашего великого земляка Михаила Александровича Шолохова, непревзойденного знатока традиций жизни казачества. Он был строг чрезвычайно, когда заходил разговор о показе картин донской земли. По его совету в репертуар ансамбля вошло несколько песен, ставших украшением программы. Шолохов внимательно относился к деятельности ансамбля, и его забота была для всех артистов очень дорога.

...Каждое выступление ансамбля становится событием в культурной жизни Ростова-на-Дону. Казалось бы, все уже видено, знакомо, а тем не менее всякий раз открываешь для себя что-то новое, какие-то дополнительные штрихи в этой красочной, самобытной картине жизни народной.

М. КОРОТКОВ

Государственный ансамбль песни и пляски донских казаков. Песенные «веночки» *. Старинная казачья плясовая «У майдана».

Фото А. МАСЛОВА

В ПАМЯТИ ПОТОМКОВ

7 июня в подмосковной усадьбе Болдино (Солнечногорский район) установлена памятная гранитная стела, посвященная замечательному ученому-энциклопедисту Василию Никитичу Татищеву. На полированной поверхности розового гранита надпись: «Здесь, в Болдине, жил и творил Татищев В. Н. (1686—1750), выдающийся русский ученый — историк, географ, этнограф, экономист, сподвижник Петра I, государственный деятель, основатель городов Свердловска (бывшего Екатеринбурга) и Перми».

В свое время «Огонек» выступил с инициативой увековечивания его памяти в Подмосковье (см. статьи «Птенец гнезда Петрова» № 32, 1981 г., и «Сделали и... зарыли в снег» № 7, 1985 г.).

К сожалению, места, связанные с жизнью Татищева, все еще практически не привлекают внимания руководителей Солнечногорского района Московской области. Между тем лицам, ответственным за сохранение и использование памятных мест в Подмосковье, следует помнить о необходимости повсеместного действенного соблюдения Закона об охране и использовании памятников истории и культуры.

...Великолепный усадебный парк в Болдине. С плотины верхнего пруда открывается превосходный вид на четкий прямоугольник партера, огражденный с двух сторон столетними липами и дубами и плавно нисходящий к нижнему пруду. Пруды заботливо созданы более двух веков назад самим Татищевым. Дамба нижнего пруда у деревни Леонидово и сегодня удерживается корнями посаженных ученым берез, а вода прозрачна и чиста благодаря зарослям целебного аира. Старинная гравюра рисует нам вид усадьбы первой половины XVIII века: изящные полукружия лестницы сбегают от дома к нижнему пруду, а между ними, этими полукружиями, бьют фонтаны, питаемые по хитроумной системе свинцовых труб-водоводов от пруда верхнего.

Спустя полвека потомки Татищева перенесли главный дом на тридцать метров правее. В окружении других усадебных построек этот дом дошел до нас в перестроенном виде. В нем теперь живут рабочие болдинского отделения совхоза «Солнечное». А партер в нынешнем году распахали и засеяли кормовыми травами. Наверху, где стоял дом, плуг трактора обнажил старинную кирпичную кладку фундамента, и, бродя здесь, я поднял с земли несколько осколков посуды из тонкого фарфора. С одного из этих осколков глянул на меня изящно прочерченный кобальтом голландский кораблик петровских времен...

Болдино никогда не было деревней. Это усадьба, и потому не следует удивляться малочисленности его жителей. Но к болдинской усадьбе относились окрестные деревни Шахматово, Леонидово, Муравьево, Становая, Горбово, Залесье. Они существуют и поныне, а от Шахматова лесная дорога приведет к древнему погосту Рождествено, на котором время сохранило для нас исписанное славянской вязью надгробие из камня-известняка на могиле великого ученого. Поблизости, разделяя Клинский и Солнечногорский районы, бежит речка Рохталка, приток Сестры. Это о ней писал Василий Никитич в Петербург из Болдина заведующему кунсткамерой Академии наук И. Д. Шумахеру: «Нынче быв я в Дмитриевской моей деревне, и по известной вам речке Рохталке посылал ребят малых, собрал каменья фигурных не малое число, между которыми суть весьма удивления достойные, а именно: раковина большая с ребрами, каковых здесь нигде не видал; корну аммонис (окаменелый рог.— Г. Б.), на котором со стороны лист дерева со всеми жилками изображен круглых колесцами со скважнями разных величностей более 100; губы березовые окаменелые, довольно фигуру сохранивших; и другие тьму подобные, которые, ежели потребно, могу прислать при случае в академию...»

В Болдине Татищевым создавалась пятитомная «История Российская» и первый русский энциклопедический словарь широкого назначения «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской». Герой Полтавской битвы и основатель русских городов Екатеринбурга (Свердловск), Оренбурга, Перми и Ставрополя-на-Волге (Тольятти), Татищев жил в Болдине... под надзором роты солдат. Честный и неподкупный, здесь он переживал очередную царскую опалу. Указ о невиновности пришел слишком поздно...

Мемориальная гранитная стела монументально возвысилась под сенью дуба в окружении молодых лип, логически замкнув пространство усадебного партера. Все работы по ее установке безвозмездно, в свободное от работы время, выполнили рабочие Солнечногорской гранитной мастерской Е. Г. Климов, А. А. Малкин, А. А. Калинин, В. А. Великотченко, а также Г. М. Рыбаков, А. Ю. Пшеничнер и В. А. Овчинников, которым наш журнал приносит искреннюю благодарность. Старожил Болдина Анна Игнатьевна Кузьмина сказала с гордостью: «Ну вот, теперь будет где собраться, чтобы отметить юбилей нашего Татищева!»

Да, в следующем году — 300-летний юбилей выдающегося историка.

Георгий БЛЮМИН

СУДЬБА

Георгий ГУЛИА

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Что такое судьба? Стечение обстоятельств? Пожалуй. Но я бы добавил: не совсем обычное стечение. А может, еще точнее: совершенно необычное? Я задаю себе эти вопросы не ради досужего времяпрепровождения. Они приходят всякий раз сами собою, когда я думаю о судьбе отпрыска польских аристократов, родившегося под Бердичевом,— Юзефа Теодора Конрада Коженевского, сына Аполло Коженевского.

Родным языком Юзефа был польский. Второй язык, которым прекрасно владел Юзеф,— язык многих аристократических семей, французский.

Он родился вдали от моря. Степи и широкие холмистые края были его родной стихией. А стал он певцом стихии морской и людей, связанных с морем.

До двадцати одного года он, можно сказать, и слыхом не слыхивал английского, а под конец жизни сделался великим английским писателем. Среди его друзей были Голсуорси, Киплинг, Уэллс, Честертон. А в 1924 году Эрнест Хемингуэй напишет в некрологе о нем такие слова: «И вот теперь, когда он мертв, я вопрошаю небо, неужели нельзя было прибрать вместо него какую-нибудь признанную литературную знаменитость...» Этот писатель, чей акцент до конца своих дней выдавал в нем иностранца, остался в английской литературе как создатель своего неповторимого стиля, о нем пишутся сотни исследований, словарный запас слов его книг потрясающе велик, и с годами фигура его в литературе не только не отдаляется от современности, но, скорее, приближается.

Таков этот удивительный литературный феномен, если угодно, такова судьба Юзефа Коженевского, мальчика из-под Бердичева...

Родился Юзеф 6 декабря 1857 года. Отец его был поэт, много переводил с французского на польский. Пани Коженевскую звали Эвелина.

Аполло страдал легкими — развивалась чахотка. Поэтому ссыльному польскому революционеру разрешили из Вологодской губернии перебраться на юг, в Чернигов. Здесь пани Эвелина скончалась от чахотки. Аполло Коженевский переехал во Львов, позже — в Краков. И умер тоже от чахотки. Юзеф попал под опеку родственников.

Достоверно никто уже не скажет, почему Юзефа тянуло к морю, в экзотические южные страны. Потому что сам он тоже не мог этого сказать. Тянуло — и все! Надо думать, что это было начало той цепочки, которую принято называть Судьбой. Она, эта цепочка, привела Юзефа-юношу в Марсель. А Марсель — это уже море.

Из Средиземного можно было попасть на океанские просторы.

А покуда — навыки морской трудоемкой службы на небольших судах.

Пытался ли юноша пробовать силы в письме? Трудно сказать. Но вероятнее всего, да. Как и все мы в молодые годы, тем более что покойный отец его в этом отношении служил в некотором роде образцом.

Юзефу перевалило за двадцать. Надо было возвращаться на родину, чтобы отбывать воинскую повинность. Ему грозило увольнение с работы: по тогдашним международным, точнее, европейским нормам полагалось отбывать повинность на родине. А как быть с морем? Как быть с экзотическими странами — мечтой всего детства?

Был один выход: уехать туда, где европейскую формальность можно было обойти без особого труда. Кто подсказал это слово: Англия? Неизвестно. Зато достоверно другое: в один прекрасный день Юзеф высадился в Англии. Где? Может, в Лондоне.

— Нет, не в Лондоне...

Мой собеседник, ученый, филолог Дмитрий Урнов, называет другой порт. А именно — Лоустофт.

Отсюда шли корабли во все концы Британской империи — перевозили уголь и шерсть. Здесь можно было наняться на корабль легче, чем в Лондоне.

Что делать молодому человеку в стране, где ему ничего не понятно, кроме слов «мистер» и «сэр»? Однако приходилось привыкать — тут уж ничего не попишешь! Возможно, помогала способность к усвоению языков. Быть может, даже наследственная...

Вот еще один поворот в судьбе — этой развивающейся субстанции. Еще одно звено в цепочке...

Идет время. Юзеф не сидит сложа руки. Он сдает экзамен на помощника капитана. Уходит в далекие моря. И где только не суждено было ему побывать! Сбылись детские мечтания! Его корабль неустанно бороздит моря-океаны.

Но это не путешествия ради путешествия. Труд, тяжелый морской труд.

Дмитрий Урнов говорит:

— Я знал лично сына писателя — Бориса Конрада. Он вспоминал отца и его друзей, свою мать Джесси, прикованную с давних лет к креслу из-за болезни ног. Джесси Конрад написала хорошие воспоминания о своем муже. Правда, кое-что попыталась приукрасить, но это ничуть не умаляет ее труда.

Что же можно сказать о Юзефе, или Джозефе-капитане? За двадцать лет службы на английских кораблях он испил полную чашу тревог, мужая в борьбе с бушующей стихией. Не раз грозила ему гибель. Не раз, наверное, прощался с жизнью. Не раз стоял над бездной — на волосок от смерти.

— А он публиковал что-нибудь, плавая по морям и океанам?

— Нет. Но, наверное, что-то записывал. Может, даже сочинял рассказы.

Юзеф Конрад Коженевский — Джозеф Конрад — плавал помощником капитана. Сколько бы еще проплавал помощником? Пять, десять лет?.. Уже позади восьмидесятый год. Состоялась встреча с девяностым...

Он уже насмотрелся всяческих морских бед. Сам бывал в беде. Был ли он хорошим моряком? Да! Наверняка! Компания не держала бы неопытного и недостаточно мужественного помощника капитана.

Где только не побывал моряк Джозеф Конрад! Он плыл на восток, плыл на запад, и на юг, и на север! Он видел порты, о которых мечталось в детстве. Ступал на острова и материки, которые когда-то ему только снились. Видел моря спокойные и рычащие, ласковые и грозившие неминуемой гибелью. Верно, все это он перевидал за двадцать лет плавания. Но видел и нечто большее. А большее — вот что: людей, которые противостояли опасности, принимая ее на грудь, как принимает на грудь снежную лавину сказочный богатырь.

Люди, люди... Их впору было бы назвать полубогами, а то и богами. В неимоверно тяжелые часы они становились поперек неукротимой стихии. И, казалось, озверевшие валы отступали от них, как от гранитных скал.

И когда думалось о море, то неизменно вставали образы непокорных и смелых людей. Это были как бы две ипостаси одной и той же стихии, являющей космогоническую мощь, которой по плечу мирозданческие столпотворения. Но бывали и черные минуты, и тогда моряк шел ко дну, уверенный, что и после него на корабле будет железный порядок. Вот о таких-то людях часто думал первый помощник капитанов английских кораблей (числом восемнадцать). И он напишет: «Валы набегали в темноте со всех сторон...— Выдержит ли судно? — Старший помощник Джакс ничего не ждал в ответ. Решительно ничего. Да и какой можно было дать ответ? Но спустя некоторое время он с изумлением услышал хрупкий голос, звук-карлик, не побежденный в чудовищной сумятице: «Может выдержать!»

Может выдержать! Так думал Человек моря, который привлекал к себе и изумлял Джозефа Конрада. А не был ли он сам одним из них?

Послушаем Дмитрия Урнова:

— В его книгах рассказывается о кораблях, о землях отдаленных и экзотических, о бурях в открытом море, об отважных матросах и капитанах. Многое рассказал мне о своем отважном отце Борис Конрад.

— А что, Джозеф так и проплавал все двадцать лет, продвигаясь вверх до первого помощника капитана?

— Нет. В один прекрасный день сделался капитаном. Его начальник неожиданно скончался, и его заменил Конрад. Это было в далекой гавани. Последний рейс Конрад проделал уже в ранге капитана. Потом сошел на берег.

— Писателем?

— Да, писателем, которого довольно быстро оценили собратья по перу.

— Кто, например?

— Голсуорси. Самый первый.

Случилось это так...

Речь пойдет еще об одном, очень важном звене в цепочке той самой неделимой Судьбы, о которой говорилось в начале нашего рассказа...

Джон Голсуорси поплыл на свидание со Стивенсоном, автором «Острова сокровищ». Не куда-нибудь, а на самые острова Самоа. И в австралийском порту Аделаида он встречается со старшим помощником капитана, неким Джозефом Конрадом. Об этом Голсуорси пишет так:

«Впервые я встретил Конрада в марте 1893 года на английском паруснике «Торренс» в Аделаиде. Он руководил погрузкой. На палящем солнце лицо его казалось очень темным— загорелое лицо с острой каштановой бородкой, почти черные волосы и темно-карие глаза под складками тяжелых век. Он был худ, но широк в плечах, невысокого роста, чуть сутулый, с очень длинными руками. Он заговорил со мной с сильным иностранным акцентом. Странно было видеть его на английском корабле. Я пробыл с ним в море пятьдесят шесть дней...»

Об этом плавании известно еще следующее: здесь, на корабле, Голсуорси прочитал рукопись Конрада. И Голсуорси поразился: перед ним был настоящий, очень любопытный писатель, доселе никому не ведомый.

Голсуорси продолжает:

«У Конрада, великолепного рассказчика, уже было за плечами около двадцати лет, о которых стоило рассказывать».

Что же сделал Голсуорси, открыв писателя Конрада в лице старшего помощника капитана английского парусника «Торренс»? Он, естественно, поинтересовался, кого из издателей знает Конрад. Разумеется, никого. Не до них было. И тогда Голсуорси связывает Конрада с консультантом одного из крупных издательств Эдвардом Гарнетом и издательским агентом Пинкером. И многие годы Конрад, по существу, живет на пинкеровских кредитах...

Послушаем Урнова:

— Голсуорси считается первооткрывателем Конрада, хотя по возрасту он был много моложе. Голсуорси не был еще знаменитым писателем. И богатым тоже. Отправился в паломничество к Стивенсону. Не доплыв до островов Самоа, из порта Аделаида Голсуорси возвратился на «Торренс» в Англию.

Некоторые критики называют Голсуорси крестным отцом Конрада. А Голсуорси пишет: «Тогда, на корабле, он говорил не о литературе, а о жизни, и неверно, будто это я приобщил его к литературе». И далее: «...из всех впечатлений этого путешествия он (вечер) остается для меня самым памятным. Обаяние было главной чертою Конрада — обаяние богатой одаренности и вкуса к жизни...»

Итак, после двадцатилетнего скитания по морям и океанам на английский берег сошел зрелый писатель. Все при нем: богатый жизненный опыт, свой мир «тружеников моря» и свой язык, неповторимый конрадовский английский язык. Он правильный и неправильный, он английский и неанглийский. Он понятный и не совсем чистый, но бесконечно увлекательный и красочный.

С Конрадом дружат знаменитые писатели. О нем пишет, как о крупном английском писателе, американец Генри Джеймс, переселившийся в Англию, автор «Вашингтонской площади» и многих других книг.

Можно вообразить такой диалог за спиной писателя:

— Позвольте, кто это?

— Джозеф Конрад.

— Тот самый?

— Да, талантливый литератор.

— Он иностранец?

— Да, поляк.

— Так он пишет не по-польски?

— Нет, в шутку о себе говорит так: бредит, когда болен, по-польски, думает по-французски, но пишет по-английски.

Итак, в начале нашего века за ним утверждается репутация прекрасного писателя. Но это в литературных кругах. Среди издателей. Среди критиков и журналистов. О нем говорят так: море подарило Англии прекрасного писателя.

Случился с Конрадом еще один, довольно крутой поворот. Но это уже не судьба. Скорее прихоть литературной жизни. Или прихоть читательская. Но об этом стоит поговорить. Мы увидим, как удивительна бывает эта прихоть. Можно придумать еще какое-либо другое прилагательное. Но ясно одно: пути литераторские порой неисповедимы. Речь идет вот о чем.

Лучшие книги Конрада были написаны в конце прошлого и в начале нашего века. А наиболее слабые — после 1910 года. (Скончался Конрад в 1924 году в графстве Кент.) Значит, так: до 1910 года его ценят и знают главным образом в кругах литературных, скажем шире — интеллектуальных. В это время он испытывал постоянный дефицит в средствах. Широкая известность и денежный достаток пришли после 1910 года, то есть когда уже — не побоимся этого сказать,— когда перо писателя пошло на спад. По поводу этого довольно часто встречающегося в литературном мире феномена Джон Голсуорси, которому верить можно и должно, пишет: «Можно ли считать естественным, что успех у широкой публики совпал с ухудшением качества? Или это всего лишь пример того, как трудно иностранцу пронять толстокожее животное, именуемое «читатель»?», «...мы стали протирать глаза...», «но потребовалось двадцать лет, чтобы и публика его оценила и тем самым дала ему приличный доход».

Что тут сказать? Может, припомнить сакраментальное «судьба играет человеком»? И на самом ли деле играет? Мне, дожившему до седых волос, хочется услышать и на этот счет чье-либо мудрое слово... Тем более что в замечательной книге Сомерсета Моэма я обнаружил следующее: «Мне было в то время девять лет. С произношением английских слов я долго не мог справиться, и я никогда не забуду, каким хохотом встречали в приготовительной школе мои неправильные ударения и как это меня смущало». Позвольте, и это говорит один из известнейших классиков английской литературы?

Идут годы.

Шестьдесят с лишним лет отделяют нас от того времени, когда почил Конрад. С годами слава его все росла и росла. Его книги с полок приключенческой литературы перекочевали туда, где стоят тома, ставящие перед человечеством острейшие проблемы. Растет критическая литература о Конраде. Диссертации пишутся за диссертациями. Говорят, что в свое время Андре Жид специально изучил английский язык, чтобы прочесть Конрада в подлиннике. Прослышав об этом, Томас Манн тоже обратился к Конраду — и поразился.

Так обстоит дело с судьбою мальчика из-под Бердичева.

Скажем прямо: завидная Судьба!

Олег ШМЕЛЕВ

Взятка

Николай Иванович Барабанов, 1949 года рождения, жил в городе Воронеже. Семья, трое детей. Высшее образование. Член партии. Управляющий трестом жилищного хозяйства Левобережного районного Совета народных депутатов.

Должность достаточно высокая и ответственная, а значит, и заметная. Силу и сладость своей власти Барабанов ощутил еще раньше. Его дважды (с 5 ноября 1982-го по 12 июля 1983-го и с 1 ноября по 26 декабря 1983-го) назначали исполняющим обязанности управляющего. Эти даты полезно помнить для лучшего понимания того, как решительно и быстро проявил Барабанов дремавшие в нем задатки.

...Всего два с половиной месяца работала в управлении секретарем-машинисткой Л. Н. Швецова. Ей очень хотелось получить однокомнатную квартиру, да вот беда: по существующему положению дворники, например, имеют преимущественное право на служебную жилплощадь, а секретари-машинистки не имеют.

Предприимчивая секретарша Швецова, как только назначили Барабанова и. о. управляющего, завела с ним разговор насчет того, чтобы перевести ее на должность дворника. Поначалу Барабанов отвечал как-то неопределенно — мол, надо подумать, но Швецова почувствовала, что уговорить его можно. Назначили Барабанова и. о. 5 ноября 1982 года, а уже 18-го Швецова зашла к нему в кабинет, когда он был в одиночестве, прикрыла плотно дверь и протянула серьги — золотые ромбики: «Для жены»...

Барабанов взял, а на следующий день сказал Швецовой: «Пиши заявление». И 19 ноября она была зачислена приказом и. о. на должность дворника жилищно-эксплуатационного участка № 26. Теперь у нее появились законные основания просить квартиру, хотя метлу она, конечно, в руки не брала — как была секретарем, так и осталась сидеть. Ярлычок с сережек — цена 159 р. 12 к.— она, между прочим, на всякий случай сохранила.

Однажды в феврале Швецова принесла в кабинет Барабанова венгерские мужские полусапоги — размер его ноги, вероятно, она определила на глаз. Ясно, что теперь речь была уже о квартире. А бирочку от сапог — 52 р.— тоже себе оставила на всякий случай.

Решением Воронежского горсовета № 76/4 от 11 марта 1983 года Левобережному тресту было выделено четыре квартиры. Барабанов, минуя всякую очередность, внес Швецову в список. 7 июня он получил в райисполкоме ордер на ее квартиру, но ей сказал, что ордера не выписали и вообще квартиру не выделили. Он прекрасно понимал: разве можно скрыть от секретаря-машинистки столь крупный факт, да еще близко ее касающийся? Он и рассчитывал именно на то, что она будет быстро осведомлена, а в ее догадливости, что делать дальше, он, надо думать, не сомневался. И не ошибся. Скоро Швецова пригласила его к себе на Ленинский проспект, в дом № 94/5, где снимала комнату, и дала ему 900 рублей, а он вручил ей ордер. Были ли при этом сказаны приличествующие случаю добрые и торжественные слова, неизвестно, но доподлинно известно, что с этого момента Барабанов перешел последнюю грань. Серьги и сапоги — это была инициатива Швецовой. Деньги же он из нее вытягивал. Отныне он сделался вымогателем — это более гадкая категория. А Швецова стала соседкой Барабанова на Новосибирской улице — он в доме № 27, она — в № 29...

Если бы и. о. управляющего ограничился одним этим случаем, ему и тогда никакого прощения быть не могло, но дело в том, что Барабанов 7 же июня получил в райисполкоме, кроме ордера для Швецовой, еще три других — для слесаря-сантехника В. И. Беленова, счетовода Н. А. Коломойцевой и дворника Л. Ф. Кожевниковой. С ними у него были завязаны такие же отношения, как со Швецовой. Однако есть оттенок: им он сам при первых же их просьбах о квартире сразу прямо заявлял: «Постараюсь, но это будет стоить денег». Барабанов знал, что ему недолго быть и. о., и спешил выжать как можно больше.

И еще есть кое-какие оттенки. Беленов, например, для налаживания с Барабановым более тесных контактов начал с того, что купил на рынке четыре килограмма мяса и принес их к Барабанову домой, где и изложил свою просьбу. А чуть позже для закрепления доставил бутылку водки за 5 р. 30 к. и четыре пачки сливочного масла по 62 к. Мясо и масло, разумеется, были съедены, водка выпита, но, получив в райисполкоме ордер для Беленова того же 7 июня, Барабанов промариновал его дольше месяца.

Взяткодатели тоже не вызывают симпатий, но все же между тем, кто дает, и тем, кто берет, есть разница — и для закона, и для нас, грешных. Беленов жил с семьей в общежитии, обещанная квартира была для него пределом желаний. Барабанов, у которого ордер в кармане, «советует»: чтобы его получить, доставай деньги, приноси ко мне домой. У Беленова лишних денег не имелось, пришлось просить взаймы у брата тысячу рублей. И только 9 июля, за три дня до расставания со своей теплой должностью, Барабанов у себя на квартире отдал ему ордер, да еще, кажется, был и недоволен, поскольку рассчитывал получить больше. И вот какая деталь: брат Беленова, давший ему деньги, стоял в это время на улице Новосибирской возле дома № 27, где жил Барабанов. Он был обо всем осведомлен и переживал за брата...

...Счетовод жилищно-эксплуатационного участка № 18 Коломойцева узнала, что в доме № 134 по улице Ленинградской освободилась хорошая комната (18,5 кв. м), и у нее появилось желание получить ее. Коломойцева состояла на учете, но никаких прав на эту комнату не имела. Однако обходная дорожка к Барабанову была уже протоптана, и Коломойцева по ней пошла. Он обещал, предупредив, что придется дать «на магарыч». В конце мая заехал на участок, потребовал у Коломойцевой 400 рублей. У нее при себе не было. На следующий день она принесла из дому деньги, чтобы хранить их на работе, а еще через день явился Барабанов, и она сунула ему в коридоре конверт. Ее включили в список как дворника, и 7 июня она комнату получила.

Дворник того же ЖЭУ-18 Кожевникова имела законные права на служебную жилплощадь, но и с нее Барабанов потребовал деньги «на магарыч». Она доставила 500 рублей прямо в его служебный кабинет.

...Все эти детали — **что** брал Барабанов, **когда, где** — вызывают раздражение, но они показательны и существенны.

Николай Иванович не стеснялся и не конспирировал. Он действовал так, словно трест жилищного хозяйства Левобережного райсовета города Воронежа — его частное учреждение, а государственные квартиры — личная собственность.

Вполне естественно, что вскоре в тресте уже многим стало известно, что Барабанов «берет». Узнавали об этом в первую голову те, кто старался получить жилье побыстрее, в обход, кому не положено. Таких Барабанову нечего было опасаться, и это неудивительно. Удивляет и возмущает другое.

Как, например, происходило дело в эпизоде с Коломойцевой? Всякие хлопоты о жилплощади начинаются с оформления соответствующих всем известных документов, которые затем отправляются в райисполком.

Учет нуждающихся и оформление документации в тресте вела член месткома М. П. Кольцова.

Коломойцеву в бумагах для райисполкома выдали за дворника, но работники треста прекрасно знали, что она счетовод.

Наиболее важной бумагой является, конечно, ходатайство.

Барабанов дал «указание», Кольцова позвонила председателю цехкома жилищно-эксплуатационного участка № 18 тов. Сазину Н. В. и потребовала представить ходатайство о Коломойцевой как на дворника. Ну, раз такое указание исходит от самого Барабанова, тов. Сазин счел ненужным собирать заседание цехкома и сделал все, как велено.

Открыто попираются коренные нормы и принципы социалистического общества, советского строя. И ни у кого это не вызывает протеста, никто не испытывает даже легкого смущения. Потому что при Барабанове такой вопиющий «порядок» был в тресте нормой. Барабанов указывает, член месткома звонит в цехком участка, и участок представляет ходатайство, махнув рукой на цехком. Неужели никто не догадывался, из каких соображений и побуждений давал свои волевые указания и. о.?

Но вернемся к деятельности Барабанова на поприще взяточничества, чтобы поскорее подойти к ее концу.

После недолгого перерыва Барабанов снова приступил на два месяца к исполнению обязанностей, а 27 декабря 1983 года его утвердили в должности управляющего трестом. Для него это было большим достижением. Имея в виду, как бесцеремонно он действовал, будучи и. о., нетрудно вообразить, какие смелые и широкие планы составлял он для себя, когда избавился от этой, так сказать, малопрестижной приставки. Размах зависел только от количества квартир, выделяемых тресту горсоветом и райисполкомом, и от сроков выдачи ордеров.

О размахе дает исчерпывающее представление день 30 мая 1984 года — день, который можно назвать апофеозом Барабанова, а можно и лебединой песнью. Несколько раньше, правда, он сумел вытянуть из слесаря-сантехника ЖЭУ-19 Зацепина В. С. тысячу рублей, занятые тем у тещи (для знакомства Зацепин покупал Барабанову две бутылки трехзвездочного коньяка). Но все же именно 30 мая стало для Барабанова вершиной на преступном пути.

Еще в феврале у него была беседа с начальником ЖЭУ-18 С. С. Масловым. Тому жилплощадь по штату полагается, но без содействия управляющего вопрос не решится быстро, поэтому Маслов попросил помочь. Понятно, Барабанов сказал, что придется раскошелиться. Маслов объяснил, что более 1500 рублей дать не сможет. Барабанов сказал, что и этого достаточно. А деньги выложить, когда будет ордер.

В конце мая общение возобновилось, и Барабанов потребовал с Маслова сто рублей. Маслов обязался принести.

В те же дни управляющий вел переговоры со слесарями-сантехниками Букреевым А. Д. и Шикуновым А. Н., причем Шикунову управляющий сам, по собственной инициативе предложил квартиру, но взятки почему-то не требовал. Впрочем, однажды посетовал, что собирается в Москву, а с деньгами туго.

Букреев явился к управляющему на прием. Барабанов обещал квар-

тиру при условии, что слесарь-сантехник через два дня даст ему пятьсот рублей.

И вот настало 30 мая 1984 года.

Маслов принес сто рублей управляющему на работу. Но Барабанов вопреки обычаю впервые в своей практике испугался взять деньги в кабинете. Он пригласил Маслова выйти. Они пошли в туалет, и там он взял.

Букреев доставил пятьсот рублей на квартиру.

Шикунов, считавший знакомство с Барабановым выгодным и полезным на будущее, вручил триста рублей на железнодорожном вокзале.

И все это за неполные сутки.

Шикунов квартиру получил, Маслов и Букреев остались ни с чем.

За время пребывания в качестве и. о. и полноправного управляющего трестом жилищного хозяйства Левобережного райсовета Н. И. Барабанов получил взяток на общую сумму 4954 рубля 90 копеек, из них по квалифицирующему признаку вымогательства (есть у юристов такой термин) — 4400 рублей. Воронежский областной суд, строго соблюдая букву закона, не признал получение взяток в виде серег, венгерских полусапог, мяса, масла, коньяка, водки и 300 «сухих» рублей от Шикунова сопряженным с вымогательством.

15 ноября 1984 года областной суд приговорил Барабанова к 9 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима с конфискацией имущества.

И это не строгий приговор. Часть 2-я статьи 173 Уголовного кодекса РСФСР для подобных преступлений, отягощенных вымогательством, предусматривает и максимум — 15 лет лишения свободы. Но суд учел, что у Барабанова трое детей, что ранее он не был судим, что у него здоровье пошатнулось.

Судебная коллегия Верховного суда РСФСР по уголовным делам рассмотрела дело по кассационной жалобе Барабанова и оставила приговор без изменений.

Барабанов получил почти минимальное наказание, и это очень гуманно. А жалости он все-таки не вызывает.

На этом кончилась карьера взяточника, но остается горькая оскомина в душе.

Суд справедливо счел, что серьги, мясо и прочее съедобное и носимое получено не путем вымогательства. Однако вообще о плате натурой стоит сказать отдельно.

У нас уже давно, не вчера, укоренилось ложное и пагубное суждение: одно дело — деньги в руку, совсем другое — флакон французских духов или бутылка коньяку. Можно помянуть ставшие традиционными подношения — добровольные и недобровольные — в магазинах, больницах, школах, институтах и пр. и пр. С другой стороны, положа руку на сердце — много ли найдется среди нас, кто ни разу в жизни не стремился воспользоваться для получения каких-то мелких бытовых благ так называемым блатом — знакомством с «нужными» людьми, ближними или через третьих и шестых лиц? Не будем ханжами: случаются такие ситуации, когда один человек хочет от чистого сердца как-то отблагодарить другого человека за бескорыстную его помощь, за то, что этот человек поступил самоотверженно, выйдя далеко за рамки своих официальных обязанностей ради справедливого решения какого-то трудного дела, иной раз — для спасения. Тут нет ничего криминального, но всегда необходима строгая щепетильность и мера, иначе и тот, кто дарит, и тот, кто принимает подарок, рискуют опорочить и дискредитировать само понятие благодарности, а ведь чувство благодарности — истинно человеческое и человечное, высокое чувство.

Взятка — понятие из другого ряда. Не сегодня оно родилось, нелегко его выжечь. «Барашек в бумажке» был в Российской империи повсеместно распространенной скотиной, а сердитое, осаживающее выражение «Не по чину берешь!» пользовалось чуть меньшей популярностью, чем «Отче наш». Канцелярский чиновник, получавший оклад жалованья двадцать рублей в месяц и обремененный пятью золотушными ребятишками и чахоточной женой, поневоле брал с просителей синенькие, то есть пятерки.

Но откуда же сегодня такой — и, увы, не единственный — Николай Иванович Барабанов, рожденный в 1949 году в воронежском селе Красный Лог? Его детство не попало на самые тяжкие послевоенные годы, он не видел разрухи, разве что в кинохронике. Когда Коля Барабанов ходил в первый класс, наша страна запустила первый в мире искусственный спутник, старшие люди уже забывали, как пахнет хлеб из лебеды и с чем его едят.

Откуда же он взялся — тридцатипятилетний взяточник, чье сознание не может быть отравлено пережитками прошлого, с институтским дипломом и с партийным билетом в кармане? Когда речь идет о юном оболтусе, склонном к тунеядству, мы начинаем искать причины чуть ли не с яслей и детского садика, а затем — по ранжиру — обвиняем семью, школу, ПТУ и в дополнение к первым основным факторам — улицу. Хоть все это довольно расплывчато, а потому не очень убедительно, и ответчика пока не видно, но тут все-таки прослеживается определенная логика, по крайней мере в смысле хронологическом.

А как быть с Барабановым? Его же считали дельным и перспективным, ему писали блестящие характеристики. Его продвигали по службе. Он занимал ответственную, руководящую должность — значит, обязан был воспитывать подчиненных, подавать пример. Он для обыкновенных рабочих и служащих в известной степени олицетворял собою Советскую власть: от ее имени вручал людям ордера на жилье, которые получал в райисполкоме. В какое же положение он ставил ее, вымогая при этом взятки? И что могут думать люди, имевшие первоочередное право на квартиру, но не давшие взятку?..

Такие, как Барабанов, создают вокруг себя развращающую атмосферу, сея отвратительные семена цинизма и неверия в справедливость.

Разве все дело в рублях, серьгах, полусапогах и коньяке, которые получал Барабанов? Чем измерить губительный вред, какой нанес он престижу, чести и достоинству Советской власти в пределах той орбиты, по которой вращалась его карьера?

А дети? Они же вырастут. Как он им тогда в глаза поглядит? Что они скажут? Вот их-то жаль.

«МНЕ НИКОГДА НЕ ДАРИЛИ СТОЛЬКО ЦВЕТОВ...»

Песни в исполнении Риккардо Фольи известны далеко за пределами Италии. У себя на родине он завоевал любовь публики, а победив три года назад на представительном музыкальном конкурсе в Сан-Ремо, едва не превзошел по популярности самого Адриано Челентано. И вот Риккардо Фольи — гость нашей страны. Мы встретились с ним, когда завершились его выступления в Ленинграде и Москве, накануне вылета в столицу Украины. Судя по всему, Риккардо был доволен оказанным ему приемом, его переполняли эмоции, он готов был рассказывать бесконечно, помогая себе при этом энергичными жестами. Какие впечатления и наблюдения остались после гастролей? Удалось ли увидеть в Советском Союзе то, что ожидалось?

— Я говорю по-русски «Здравствуйте! Как дела?», и многотысячный зал взрывается овациями, ответным приветствием, — рассказывает Риккардо Фольи. — Мой друг, он же партнер по футбольной сборной актеров Рима, Джанни Моранди говорил, что у советских зрителей особый душевный накал, и я убедился, что он прав. Перед собой я вижу школьников и студентов, людей среднего возраста и пенсионеров. Пою ли я «Мир», «Мое большое будущее» или «Четыре ветра», они сопереживают со мной и музыкантами. Кроме того, мне никогда не дарили столько цветов...

— О чем ваши песни, Риккардо?

— В «Повседневных историях», например, рассказывается о тех заботах, которыми окружены люди. Что может быть интереснее, чем рассказ о простом человеке? Эта жизнь мне более чем знакома, ведь я родом не из Рима, детство провел в маленьком городке Понтеверо. Работал на фабрике и учился играть на гитаре... Тогда я только пробовал писать стихи, но никому не решался их показывать. Очень люблю поэзию и не люблю грустных песен.

— Как вы пришли на профессиональную сцену?

— Где в музыке граница между любительством и профессионализмом? Когда я остался без работы в родном городе, поехал искать ее в Милан. Там случайно попал на концерт ансамбля «Пух», до сих пор одного из популярнейших в Италии. Ребята искали бас-гитариста, а во мне нашли еще и певца. Но, знаете, всегда бывают какие-то размолвки, несогласия... Короче, я собрал новый ансамбль, познакомился с прекрасным композитором Маурицио Фабрицио (он был здесь, в Советском Союзе), и нами выпущено уже полтора десятка долгоиграющих пластинок, состоялись концерты во многих странах мира.

— Вы приехали с женой, известной итальянской певицей Виолой Валентино. Как у вас в семье распределены роли и нет ли того, что можно назвать «творческой конкуренцией»?

— Традиционный вопрос репортеров... Соперничества в семье нет, мы очень большие друзья. Всегда советуемся друг с другом, если же при этом находимся в разных частях света, используем телефон. Виоле нравится более энергичная музыка, она подвижна на сцене, а в жизни спокойна и уравновешенна, порой даже меланхолична. Както я «подарил» ей песню «Меланхолия» из своего репертуара, так она победила с ней на одном из многочисленных наших фестивалей!

— Считаете ли вы, Риккардо, что хорошая популярная музыка может не только развлекать, но и влиять на людей, заставлять их мыслить категориями добра и красоты?

— Стараюсь не исполнять рок-музыку, предназначение которой — основательно «встряхивать» молодых людей. Пою итальянские песни, которые многим нравятся мелодичностью, теплотой и лиризмом. Конечно же, время не стоит на месте, часть нашей музыки претерпела изменения, ушла от простого воспевания высоких чувств, приобрела новые формы, ритмические рисунки. Это вполне естественно. «Новая итальянская волна» занимает сейчас позиции, близкие к социальному предназначению музыки.

Нас, итальянских артистов, очень беспокоит судьба обездоленных как в своей стране, так и во всем мире. Сборы от благотворительных концертов, которые устраиваются довольно часто, мы перечисляем различным организациям, в том числе международным, по оказанию помощи голодающим. Вместе со всеми честными людьми выступаем против войны, и здесь, в Советском Союзе, я воспользовался возможностью, чтобы сделать посильный вклад в дело мира. 8 июня в Ленинграде состоялся концерт, сборы от которого были переданы Советскому фонду мира. Мы хотим видеть будущее под чистым и ясным небом, чтобы дети и внуки наши не знали войны!

— Нынешний год посвящен молодежи. Какие пожелания вы, Риккардо, хотите передать молодым людям планеты?

— Прежде всего любви и мира. А из своего опыта — внимательно вслушиваться в музыку всех без исключения жанров, хорошо в ней разбираться. Лишь тогда музыка откроет перед вами новые горизонты.

Интервью вел Владимир КОВАЛЕВ.

Фото Сергея Жабина

Конкурс рисунка.

Олег ПЕТРИЧЕНКО
Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Я — это ты!

Зрители — тоже близнецы.

Лариса и Лилия Радич.

У нас свой цирк.

По улице шла симпатичная молодая мама с четырьмя очаровательны м и малышами, похожими друг на друга, как четыре капли воды. Капельки журчали и смеялись, мама улыбалась, а Геннадий Кириллович смотрел и думал: сколько, наверное, особенных забот выпало на ее долю. И сколько вообще в Ленинграде таких вот семей, одаренных судьбой редкой радостью — рождением близнецов? И озабоченных проблемой — как их воспитывать?

Эта нечаянная встреча и навела директора Дома культуры имени К. Маркса Г. К. Сынтонова на мысль создать клуб близнецов.

— Уже несколько лет у нас успешно действует клуб многодетных матерей,— рассказывает Геннадий Кириллович.—А сначала были сомнения: нужен ли он, найдут ли и без того занятые мамы время для встреч? Оказалось, нужен, полезен, а многим попросту необходим: есть теперь где обменяться опытом, послушать совет спе-

См. стр. 25

Дуэт Александра и Бориса Агафоновых.

Ф. И. Тютчев.

Недавно в нашей стране состоялся первый Всесоюзный тютчевский праздник поэзии. В село Овстуг Брянской области, где восстанавливается усадьба поэта, приехали известные советские писатели, собрались тысячи любителей литературы. Было приятно видеть, с каким уважением и любовью относятся к памяти поэта на брянской земле. Заключительный вечер тютчевского праздника поэзии состоялся в Москве, в Концертном зале имени Чайковского.

Мы публикуем статью члена Всесоюзного тютчевского комитета, недавно образованного при Союзе писателей СССР, поэта и исследователя русской поэзии профессора Л. А. Озерова о судьбе и значении творческого наследия Ф. И. Тютчева в наши дни.

Лев ОЗЕРОВ

«ТОМОВ ПРЕМНОГИХ ТЯЖЕЛЕЙ...»

Истинный поэтический талант Федора Ивановича Тютчева, проявившийся в раннюю пору, не угасал на протяжении всей жизни его. В позднюю пору этот талант, еще вернее — гений, загорелся с новой силой. На многие явления жизни Тютчев взглянул по-новому, еще более проникновенно. Длительная полоса утрат близких людей, углубленное познание жизни России (уже не издалека, из-за границы, а вблизи), опыт личной жизни — все это властно вошло в поэзию, которая целиком уместилась в рамки XIX века, но безоговорочное признание получила в XX веке, особенно во второй его половине.

Медленно, но верно пробивалась поэзия Тютчева к сердцам читателей. У нее были явные и скрытые недоброжелатели. Так, на рубеже веков знаменитый критик А. Скабичевский предсказывал Тютчеву полное забвение; его, мол, будут помнить одни лишь рьяные эстеты. Предсказание критика не сбылось. Тютчева признали миллионы: от Ленина и Толстого до нынешних школьников и студентов. Его сочинения издаются огромными тиражами, превышающими и сто тысяч и полмиллиона экземпляров (вышли в «Правде» приложением к «Огоньку», в «Художественной литературе», «Детской литературе», Приокском книжном издательстве и др.).

Тютчев победил... Что означает слово «победил» применительно к такому человеку и поэту, как он? Не только не искавший признания, но и избегавший его, не проявлявший никакого внимания к судьбе своих рукописей и своих же печатных произведений, он в наши дни оказался в числе наиболее почитаемых русских поэтов. Естественным и привычным стало сочетание имен Пушкина, Баратынского, Лермонтова, Некрасова и Тютчева.

Он победил правдивостью и самобытностью своего искусства, глубиной воплощенного в слове душевного мира человека. Он привлек внимание потомков воистину космическими просторами своей лирики. Личность поэта и его произведения интересуют сейчас читателей во всем мире.

Остаться в русской поэзии — это необязательно написать много. Тютчев написал мало, сказал много. За полвека с лишним поэтом написано всего лишь около четырехсот стихотворений. Как дорожим мы каждой его строкой!

Наследник XVIII века, дитя XIX века, он был одним из самых чутких предтеч века XX. И наш XX век прочитал этого поэта как своего современника. Тютчевская ракета, пущенная еще в первой половине прошлого века, вышла на новую орбиту и делает свои витки вокруг наших сердец. Именно в этом — победа его поэзии. Она оказалась нашей современницей.

Поэзия Тютчева сопровождает нас на протяжении всей нашей жизни. Обращаемся к ней и в дни радости, и в дни печали. Находим в ней ответы на многие состояния души. Почему? Это пристальный поэт. Из-под очков он глядит на нас не осуждающе, не иронически, а именно пристально. И это его особенность.

Когда нам надоедает суесловие и фиглярство, когда мы устаем от бездумности и словесного жонглерства, от баловства и шаманства, от скудоумия, выдаваемого за философию, когда нам хочется вдохнуть воздух горных вершин, мы раскрываем том Тютчева. И перед нами — доверительная, глубокая, тревожная дума о стесненных рамках времени, о человеческих душах, которые «смотрят с высоты на ими брошенное тело».

Издание стихов, переводов, статей, писем поэта — дело кропотливое и многотрудное. Надо знать, что мы располагаем только частью того, что создано поэтом. Он сам свидетельствует: «...я уничтожил большую часть моих поэтических упражнений и заметил это лишь много спустя» (письмо И. С. Гагарину от 7/19 июля 1836 года). В достаточно весомом «остатке» далеко не все равноценно. Составители, обычно руководствуясь хронологическим принципом (датировка тютчевских произведений, особенно ранних, исключительно трудна), стараются на свой вкус, на свой страх и риск отделить первостепенное от второстепенного, в чем не может не сказываться известный субъективизм отбора.

Опыт издания сочинений Тютчева требует специального разбора. Здесь же важно сказать, что за основу новых изданий берется двухтомник поэта, выпущенный в 1965 году «Наукой». Это фундаментальное издание, как и ряд предшествующих и последующих ему, подготовлено несравненным знатоком Тютчева и поэтов его эпохи Кириллом Васильевичем Пигаревым. Многолетний, многоопытный директор Мурановского музея, он исключительно много сделал для познания, публикации и истолковывания наследия своего великого прадеда. Все мы (в числе их и пишущий эти строки), занимающиеся постижением жизни и творчества Тютчева, многим обязаны Кириллу Васильевичу, терпеливому и тонкому наставнику и другу. С его кончиной в 1984 году тютчеведение осиротело. Урон невосполним. Уроки К. В. Пигарева незабываемы. Будем достойны нашего наставника. Последней по времени его работой (совместно с Л. Н. Кузиной) явился вышедший уже после кончины К. В. Пигарева двухтомник сочинений Тютчева в издательстве «Художественная литература». Первый том — стихотворения, второй том — письма. Это в известной мере итоговое издание, вобравшее в себя опыт всех предыдущих плюс новые изыскания многих текстологов, занимающихся рукописями Тютчева.

Для нового издания предстояло на основании изучения рукописей решить немало сложных задач. Так, строка в стихотворении «Цицерон» в издании 1965 года читалась: «Закат звезды ее кровавой». Таково традиционное написание. В новом издании: «Закат звезды ее кровавый». Всего одна буковка, но меняется смысл образа: в первом случае эпитет «кровавой» относится к «звезде», во втором случае эпитет «кровавый» сочетается с «закатом». В том же стихотворении: в 1965 году — «Блажен, кто посетил сей мир», в 1984-м — «Счастлив, кто посетил сей мир». За этими двумя различными написаниями (разница в одном начальном слове) десятилетия скрытой от читателя полемики.

В стихотворении «Тени сизые смести́лись» (любимом Толстым) традиционным написанием одиннадцатой строки было «тихий, томный, благовонный». Сейчас, в новом издании, — «тихий, темный, благовонный». Снова разница в одной буковке («томный» и «темный»).

Иной читатель воскликнет: а где же прежде были текстологи и издатели? Но в том-то и дело, что разгадка не сразу дается в руки. И, кстати сказать, уточнение тютчевских написаний не завершено, оно, несомненно, будет продолжено.

Так, в ряде изданий концовка знаменитого стихотворения «Певучесть есть в морских волнах» отсутствует (отсутствует она и в книге «Весенняя гроза», выпущенной Приокским издательством в 1984 году). Новое издание справедливо, на наш взгляд, восстанавливает эту четвертую, последнюю строфу.

И от земли до крайних звезд
Все безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянной протест?

В стихотворении «День православного Востока» восемнадцатая строка читалась: «Отрадой в душу ей полей». Невнятно. Теперь читается: «Отрадой в душу ей повей». Снова одна буковка. Зато все ясно.

Здесь приведены лишь некоторые уточнения. Их много. И за ними долговременный труд тютчеведов-текстологов, пытливый поиск составителей и комментаторов ценного двухтомника Л. Н. Кузиной и К. В. Пигарева (им принадлежит и вступительная статья, и подготовка текста).

Карел Фабрициус. 1622—1654. АВТОПОРТРЕТ. Около 1650.

Старая Пинакотека. Мюнхен.

Мурильо. 1618—1682. МАЛЬЧИКИ С ДЫНЕЙ И ВИНОГРАДОМ. 1645—1646.

Старая Пинакотека. Мюнхен.

У нас шла речь о первом томе. Второй том продолжает огромную работу по публикации писем Ф. И. Тютчева. Как известно, в рукописи мы имеем свыше тысячи писем поэта. Еще первый биограф его, И. С. Аксаков, говорил в 1886 году: «Письма Тютчева, собранные вместе, стоили бы любого серьезного, многотомного литературного произведения». Мы не торопимся. Наши запасники сказочно богаты. Но дальше такая неторопливость совершенно нетерпима. В 1980 году второй том огоньковского издания был целиком посвящен письмам. Полностью, без купюр, здесь напечатаны 172 письма. Для нового издания, 1984 года, отобрано 228 писем (часть из этих, написанная по-французски, переведена К. В. Пигаревым). Таким образом, по прошествии ста—ста пятидесяти лет со времени их написания письма Тютчева, наконец, приходят к читателю. Сейчас этот читатель располагает несколько меньше чем одной четвертью эпистолярного наследия поэта. Надо надеяться, что наши потомки со временем обретут трех-четырехтомное собрание писем, исполненных страсти, ума, поэзии, афористичности. Когда впереди них, естественно, пойдет том стихотворений, перед будущим читателем предстанет по меньшей мере пятитомный, а с добавлением статей и шеститомный Тютчев. Мечты, мечты...

У меня нет намерения настраивать читателя на грустный лад. Напротив, душа моя ликует, видя, как звонко и широко покатилось имя поэта, как во всех концах Отечества родятся отклики на его слово (теперь-то нам дано «предугадать, как слово наше отзовется»; наше в данном случае — тютчевское). Отклик огромен.

Все вышедшие за последние десятилетие поэтические антологии, хрестоматии, сборники, своды неизменно содержат тютчевские — большие или малые — подборки. Они различны по составу, но в каждой из них приведены стихи (от «Весенней грозы» до «Последней любви»), без которых невозможно знакомство с Тютчевым, вообще с русской поэзией.

Из многочисленных попыток сделать Тютчева героем беллетристического повествования надо упомянуть заслуживающий особого разбора роман Ю. Когинова «Вещая душа». Основанное на большом документальном материале, это произведение неизбежно дает волю вымыслу. Одних читателей этот вымысел вовлекает в житейскую и творческую драму поэта. У других читателей, по-иному воспринимающих Тютчева, возникает спор с автором — этого не надо опасаться, так как все произведения биографического жанра не могут избежать субъективности в обрисовке героев.

Последними по времени книгами, с которыми мне пришлось познакомиться, были разнохарактерные работы: «Тютчев в Москве» Г. В. Чагина и «Современники о Тютчеве» (воспоминания, отзывы и письма), сборник, составленный В. Г. Дехановым. Обе вышли в 1984 году, первая — в издательстве «Детская литература», вторая — в Приокском книжном издательстве.

Книга Г. В. Чагина знакомит с Тютчевым, его предками, семьей, кругом чтения, с друзьями его, с его литературным окружением, с тютчевской Москвой, с Мурановом — домом поэтов. Книга написана популярно, с расчетом на школьников старшего возраста и снабжена большим количеством иллюстраций.

Составленная В. Г. Дехановым (Брянск) книга «Современники о Тютчеве» — по существу, первая попытка собрать воедино воспоминания и статьи людей, близко знавших поэта (родня, друзья, знакомые), отклики на тютчевское слово писателей, поэтов, критиков, публицистов. В приложении даны некрологи, стихи, посвященные поэту, вычерчено родовое древо семьи Тютчевых. Издательство проявило ценную инициативу, но книгу надо рассматривать как конспект будущего издания. Уж слишком сокращены, неоправданно урезаны, сплющены ценные материалы. Неприятно видеть в тексте бесконечное число отточий и скобок. Это сделано в ущерб смыслу издания. Помимо этого, в небольшой книге содержится большое число искажений и опечаток (они приложены на отдельном листе, с добавлением «по вине редактора книги»). Безусловное достоинство книги в том, что некоторые материалы (в извлечении) появляются по истечении ста двадцати — ста пятидесяти лет.

Интересно знать, что две последние книги (Г. В. Чагина и В. Г. Деханова) подготовлены не профессиональными литературоведами и историками литературы, а людьми других профилей, но на протяжении многих лет страстно влюбленными в Тютчева и его поэзию и отдающими ему весь свой досуг, все силы души. Это тоже весьма красноречиво говорит о силе тютчевского слова, о его непроходящем обаянии.

Уже в печати отмечалось, что за последние 15—20 лет о Тютчеве написано больше, чем за предшествующие полтора века. Это объясняется многими причинами, из коих главная — изменившееся у нас соотношение духовного мира человека и космоса, новое понятие о материи, о пространстве и времени.

Стихи Тютчева давно начали переводить на иностранные языки. Выходят они небольшими и большими подборками, а также отдельными книгами. Хочу особо выделить книгу стихотворений Тютчева в переводе на болгарский язык. Переводы выполнил покойный Григор Ленков на высоком уровне. Об этих переводах можно без преувеличения сказать: они конгениальны.

Поэзия Тютчева продолжает вдохновлять композиторов на создание новых произведений, главным образом романсов. Художники, особенно графики, создают иллюстрации к стихам поэта. Задача нелегкая, но благодарная. Заманчиво: как иллюстрировать лирику, в том числе такую, как у Тютчева, философскую, страстную, глубокую? Решений много. Какое из них предпочесть? Но это уже особая тема.

В письме от 27 декабря 1858 года Тургенев пишет Фету: о Тютчеве не спорят, «кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии...» И через много лет, в августе 1873 года, вскоре после смерти Тютчева, тому же Фету тот же Тургенев пишет: «Милый, умный, как день умный, Федор Иванович!»

Федор Иванович Тютчев оценен в наше время уже не только отдельными высокообразованными любителями поэзии, а всенародно и повсеместно.

Я — ЭТО ТЫ!

См. стр. 23.

циалистов да и просто отдохнуть. Вот и подумалось, а может, добрую службу сослужит и это начинание?

Создать хороший клуб — все равно, что дружную семью. Собрать людей — это еще полдела. Важно увлечь, заинтересовать их, помочь каждому проявить свои таланты и способности. Собственно, это и стало основной задачей общественного совета нового и, кстати, пока единственного в стране клуба близнецов. В нем сейчас примерно 140 человек, и, прямо скажем, необычно выглядит Дом культуры в дни их сбора. Такое впечатление, что в залах, фойе прибавляется зеркал, многократно повторяющих веселые, жизнерадостные лица людей, собравшихся на праздник.

В том, что это именно праздник, убедился, побывав на одном из вечеров. В программе его не было ничего необычного: традиционные «посиделки», кино, беседа с психологом, дискотека для взрослых; для малышей — кино, танцы, всевозможные игры, которые, замечу, просто с блеском проводил молоденький массовик Саша Сапожников, устроив в зале такую веселую, звонкоголосую кутерьму, что и взрослым стало завидно.

— Жаль, что вас не было на нашем новогоднем обозрении «Волшебное зеркало»,— говорят сопредседатели клуба Анна Федоровна Можанская и Мария Федоровна Андреева.— Убедились бы, что близнецы (и не только дети) вообще очень жизнерадостный народ, оптимисты по натуре уже в силу того, что каждому выпало счастье прожить одновременно по две жизни — за себя и за сестру, брата. Конечно, своих проблем и у нас хватает, однако вместе их и решать проще.

Вместе... Это слово-пароль, слово-ключ к пониманию многих, быть может, незаметных для нас психологических нюансов. В рассказе «Пестрая лента» устами одной из героинь не только писатель, но и медик Конан Дойль очень точно заметил: «Мы близнецы, а вы знаете, какими тонкими узами связаны столь родственные души...»

— Мы в прямом смысле слова не можем друг без друга,— подтверждает М. Ф. Андреева.— Когда обстоятельства на несколько лет разлучили нас с сестрой, разбросали по разным городам, письмами обменивались буквально ежедневно. Сходимся во всем, в тысячах мелочей, болеем и то синхронно.

— Совершенно верно,— вступают в разговор моряки Андрей и Николай Елагины.— Мы люди военные, достаточно закаленные, однако, когда по службе одному из нас пришлось отправиться на Дальний Восток, а другому плавать в еще более далеких южных морях, на пятый месяц у обоих одновременно начался невроз, причиной которого, как установили врачи, была разлука.

Андрей и Николай впервые пришли в клуб и сразу же, что называется, «вписались» в его обстановку. Взявшие над ними шефство сестры Лилия и Лариса Радич — из числа «старожилов», тех, кто первыми из близнецов откликнулись на приглашение в Дом культуры.

— Казалось бы, недавно это было,— удивляются Лилия и Лариса,— а сколько приятных перемен, сколько новых друзей. Сами мы из Усть-Каменогорска, семь лет назад приехали поступать в театральный институт. Но не прошли по конкурсу, стали работать на «Скороходе», вечерами учимся в текстильном институте, скоро получим дипломы. Жизнь напряженная, свободного времени предельно мало, и очень здорово, что у нас теперь появился свой клуб, где можно отдохнуть душой.

Сестры не только отдыхают, но и успевают оказать клубу посильную помощь. За несколько месяцев активисты сделали немало. Прошел праздник «Шире круг друзей», выпущены остроумные стенгазеты, устный журнал ЛИК — «Ленинград, искусство, культура», в музыкальной гостиной состоялась дискуссия «Поэзия и музыка в нашей жизни». Были интересные встречи с В. М. Михеевым и А. А. Ивониным — сотрудниками Института физиологии имени И. П. Павлова, с кандидатом биологических наук И. В. Ватти, рассказавшем о генетических загадках. В общем, перечислить можно многое. Но важен не перечень, а сам факт: работа совета клуба, начавшаяся, по сути, на голом месте, обрела четкое направление и цель, обогатилась некоторым опытом, рождением своих традиций.

Собираясь в клуб, я попытался припомнить все, что знаю о близнецах, и даже поискал соответствующую литературу. К сожалению, в библиотеке мне почти ничем не помогли, ну а в памяти засели лишь всевозможные водевильные ситуации из пьес и детективов, сюжет которых строился на невообразимой путанице, привнесенной в действие проделками двойняшек. Припомнились еще герои греческой мифологии Кастор и Поллукс, прекрасными звездами сияющие на небосклоне, и совершенно уже невесть откуда всплыло в голове, что в годы войны датчане, спасая от фашистов государственные ценности, наряду с золотом вывезли из страны и картотеку своих близнецов, чтобы уберечь их от недоброго внимания гитлеровских изуверов в белых халатах.

— Да, в генетическом отношении мы народ любопытный, таящий для исследователей немало загадок,— улыбается Мария Федоровна Андреева.— Ну и в повседневной жизни у нас не все так просто. Влюбляются близнецы частенько в одного и того же человека, ревнуют, если у кого-то из них появляется «посторонний» товарищ, далеко не все и не всегда легко сходятся с другими людьми. Специфики, одним словом, достаточно, и потому хочется, чтобы более активное участие в нашем эксперименте приняли ученые. И, конечно же, с нетерпением ждем новичков. В Ленинграде примерно три тысячи близнецов, есть немало тройняшек, надеемся увидеть у себя в гостях четырех, пятерых близнецов сразу. Дело по душе найдется каждому. Кстати, готовится открытие первого и, полагаю, единственного в мире театра близнецов.

...В мае клубу исполнился год. Всего год. «Уже год»,— поправили меня. Очень удачна эмблема клуба: на фоне земного шара, взявшись за руки, идут двое детей. Пожелаем им счастья. Пожелаем удачи клубу, прекрасный девиз которого «Я — это ты» как нельзя точнее отражает суть взаимоотношений людей, с рождения и до старости привыкших и заботы, и радости свои честно делить пополам.

МОСКВА, 41-Й

Иван СТАДНЮК

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

29

Солнце еще не опалило верхушек елей и сосен, поднимаясь в далеких далях над горизонтом, зашторенным грядами невидимых облаков. Но уже было светло, особенно там, впереди, где на окраинах Ярцева, среди крошева камня и земли, таилась первая линия немецкой обороны. Генерал Рокоссовский неотрывно глядел в стереотрубу, закрепленную на деревянной площадке наблюдательного пункта, вознесенной к самой вершине вековой ели, в глубине леса, недалеко от опушки. Лес могучими массивами теснился к Ярцеву, нависая с двух сторон города над Вопью, окаймленной кудрявым ивняком. Справа виднелись черная насыпь железной дороги на Вязьму, а чуть дальше за ней — серая лента пустынной автомагистрали... Как застывшая река. И все вокруг казалось застывшим. Даже верхушки деревьев, будто ветер затаил дыхание или вовсе умчался из этих мест. Было непривычно: в окулярах стереотрубы не колыхалась, как всегда, земля со всем тем, что было на ней. Ярцево очень близко от наблюдательного пункта командира 101-й танковой дивизии, куда забрался по высокой, прочной, грубо сколоченной лестнице генерал Рокоссовский. Рядом еще одна площадка на дереве: там застыл у стереотрубы командир дивизии.

Город напоминал Константину Константиновичу гигантское заброшенное и захламленное кладбище. Сколько охватывал взгляд, везде высились печные трубы сгоревших или разрушенных домов. И будто донесся от них запах гари, хотя воздух был неподвижен, чист и звучен. Темные, закопченные трубы походили на каменные надгробия. В чем же секрет их прочности?

Над нашим передним краем вдруг взмыли в небо красные ракеты, чертившие дуги, склоненные в сторону противника. И в это время где-то сзади, в гигантских далях, выглянуло из-за стены облаков солнце, высветив Ярцево и курчавые кусты зелени над Вопью. А ближе к лесу, вправо и влево, широко распахнулась густая тень от деревьев, словно для того, чтобы незаметнее были исходные позиции наших танковых полков.

Константин Константинович разглядел, как в этой тени падали наземь ветви кустов, обнажая танки... Много танков! Все они почти одновременно выдохнули черно-сизые облака дыма и стронулись с места.

Полки наступали боевым порядком «в линию» рот, в два эшелона. С началом танковой атаки ударили по заранее разведанным огневым точкам и позициям наши артиллерия и минометы... Поднялись пехотные батальоны 38-й стрелковой дивизии. И оттуда, где все пришло в движение, вдруг упругой волной пахнул в лицо ветерок; колыхнулись верхушки деревьев, заскрипел под ногами настил наблюдательного пункта, а в окулярах стереотрубы поле боя начало то чуть подниматься в небо, то опускаться вниз. Генерал Рокоссовский плотно прижался бровями к резиновым наглазникам окуляров зрительных труб и опытной рукой притронулся к механизму вертикальной наводки. И на какие-то мгновения ему почудилось, будто не танки и пехота приближались к окраинам Ярцева, а он вместе с наблюдательным пунктом и всем лесом медленно уплывал назад.

Немцы недавно форсировали Вопь и, захватив Ярцево, все предыдущие дни атаковали нашу оборону, выискивали в ней слабые места и готовились к решительному броску в направлении Москвы. Атака советских войск никак не предвиделась ими и оказалась оглушительно-неожиданной, как выстрел из-за угла. Об этом свидетельствовали отсутствие какое-то время ответного огня со стороны противника и мертвая неподвижность в его расположении. Но так длилось недолго.

С вершины ели хорошо было видно, как вдруг обозначились окопы переднего края немцев: там замигали вспышки начавших стрельбу пулеметов и автоматов; стремительно полетели, чертя светящиеся, чуть изогнутые пунктирные линии, трассирующие пули крупнокалиберных пулеметов, стрелявших сквозь отдушины фундаментов разрушенных домов, из-за печных труб, еще откуда-то. Из развалин ударили по танкам пушки, стоявшие на прямой наводке. Одна из них от прямого попадания нашего снаряда вдруг вздыбилась на станины, несколько мгновений постояла на них, будто на железных ногах, и тут же бесформенной грудой рухнула навзничь, откинув в сторону броневой щит и разметав вокруг себя прислугу.

А вот загорелся наш легкий танк. Из его верхнего люка одна за другой проворно выскочили три фигурки в черных комбинезонах. Отбежав в стороны, танкисты упали на землю, и это было вовремя: подбитый танк вдруг взметнул над собой огонь и облако дыма. С удивительной легкостью слетала с него башня, похожая издали на шляпу, сорванную ветром с чьей-то головы.

Передние танковые роты ворвались в Ярцево и попали под огонь вышедших им навстречу немецких танков. Все больше загоралось или останавливалось подбитых наших легких броневых машин на гусеницах — Т-26 и БТ. Зато тридцатьчетверки и КВ были пока неуязвимы. Рокоссовский уцепился взглядом в передний КВ, который, подминая груды развалин, безостановочно шел посреди улицы, пересекавшей город вплоть до Вопи, и непрерывно стрелял из пушки и пулеметов. Почти каждый его снаряд находил и поражал цель. В ответ откуда-то по этому КВ открыли огонь несколько немецких танков и орудий. Было видно, что их снаряды отскакивали от брони тяжелой машины, как огневые мячи, или, если это были «болванки», увязали в толще металла, оставаясь торчать в ней надломленными зубами.

Поле боя все больше покрывалось столбами черного, вьющегося вверх дыма. Стелилась по земле копоть, заволакивая Ярцево, из которого стал поспешно удирать за Вопь противник.

До слуха Константина Константиновича доносились команды полковника Михайлова, который с соседней площадки командного пункта по рации приказывал командиру 203-го танкового полка майору Мозговому и командиру вырвавшейся вперед танковой роты лейтенанту Королькову захватить мосты через Вопь, закрепиться на правом берегу реки и обеспечить пехоте овладение плацдармами. Видимо, Мозговой просил подавить артиллерийским огнем батареи противника, стрелявшие по танкам с высоты за Вопью и за автомагистралью. На высоте виднелись остатки сгоревших домов поселка Сапрыкино. Рокоссовскому хорошо было видно, как там взвихривалась перед немецкими пушками после каждого их выстрела пыль.

— Сейчас «обработаем» Сапрыкино!— с угрозой в голосе пообещал кому-то полковник Михайлов.

В это время кто-то подал голос с земли, обращаясь к Рокоссовскому:

— Товарищ генерал-майор, вас просят немедленно прибыть в ваш штаб!

«Что-то случилось... Где-то прорыв...» Сердце у Рокоссовского екнуло, и он торопливо стал спускаться по лестнице.

А между тем бой за Ярцево продолжался. Дорого давался 101-й танковой и 38-й стрелковой дивизиям этот город, зажатый лесами между Смоленском и Вязьмой. Горели или намертво останавливались подбитые снарядами десятки наших танков, все гуще покрывались трупами бойцов улицы Ярцева. Еще больше потери нес враг, застигнутый врасплох ударом дивизий армейской группы генерала Рокоссовского.

Лейтенант Николай Корольков[1], находясь в танке Т-26, вел свою танковую роту, как и приказал командир батальона, во втором эшелоне. Экипаж у него пусть не очень обстрелянный (это всего лишь второй их бой), но обучен и натренирован как следует. В танке было трое: кроме него, Королькова,— механик-водитель сержант Сорокин и башенный стрелок-заряжающий сержант Якушев. В первые же минуты боя Корольков видел сквозь смотровую щель, как все чаще останавливались танки первой и третьей рот, шедших в первом эшелоне. Страшно было осознавать, что во вспыхивающих машинах погибали твои товарищи-сослуживцы...

В боевом порядке наступающего батальона все больше появлялось неприкрытых прогалин. Надо было ускорять ход. Внутри танка Королькова стояло удушье от сгоревшего пороха и от пыли, нечем было дышать. Т-26 трясло, подбрасывало, кренило в разные стороны от всего, что оказывалось под гусеницами. Но танковая сорокапятка палила без устали. Вот и сейчас Корольков увидел, как из-за развалин дома вышли во фланг первой линии наших атакующих машин четыре немецких танка.

— Бронебойным заряжай!— отрывочно скомандовал лейтенант.

— Бронебойный готов!— хрипло откликнулся сержант Якушев.

Как только немецкий танк оказывается в перекрестье прицела, Корольков тотчас же стреляет из пушки. Снаряд точно попадает в смотровую щель танка, и тот, словно что проглотив, судорожно дергается и замирает на месте. Шедший сзади него танк свернул чуть в сторону, подставив бок под очередной выстрел пушки Королькова. Тут же закружился, подбитый бронебойным снарядом. Из него выскочили танкисты, приняв на себя пулеметные очереди... Остальные два танка попятились за укрытие.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22—27.

[1] Ныне офицер запаса Н. В. Корольков живет в Воронеже. (**Прим. авт.**)

КВ командира полка майора Мозгового вырвался несколько вперед продолжавших атаку наших танков, и фашисты сосредоточили по нему шквальный огонь. Метко стреляли немцы: раз за разом вспыхивали густые снопы искр и всплескивалось пламя на башне тяжелого танка от попадавших в нее снарядов. Но броня КВ не поддавалась никакой ударно-огневой силе.

Так уж случилось, что сержант Сорокин неотступно вел машину лейтенанта Королькова за тяжелым танком командира полка, а это значило, что чуть сзади, справа и слева двигались танки его роты.

Мосты через Вопь немцы не успели подготовить к взрыву. У них ведь и в мыслях не было, что русские могут вторгнуться в Ярцево. Это позволило нашим танкам, смяв боевые порядки немецких подразделений и протаранив развалины города, оказаться вскоре за Вопью, преодолеть у станции Ярцево насыпь железной дороги и достичь автомагистрали Минск — Москва севернее совхоза «Первомайский».

На шоссе танк Мозгового остановился — очень уж выгодная позиция: крутая насыпь за кюветом укрывала нижнюю часть машины, а из башни хорошо просматривался поселок Сапрыкино, и можно было прицельно бить по стоявшим там немецким батареям и скапливающимся танкам. Лейтенант Корольков тоже приказал Сорокину остановить танк на автостраде. Справа и слева встали и другие наши танки. Огонь их по Сапрыкину был густым и губительным.

Сзади часто заухали взрывы мин. Значит, минометные батареи немцев где-то рядом, если бьют с перелетом. Надо было держать ухо востро, не прекращать огня. Но дым от горящих наших и немецких танков, пыль, поднятая гусеницами, взрывами снарядов, мин и выстрелами танковых пушек, ослепляли Королькова. Часто приходилось стрелять наугад — по любому темному пятну, которое вдруг маячило сквозь редеющую временами дымную и пыльную завесу.

По велению какой-то тревоги Корольков открыл крышку башни и увидел в небе большую группу бомбардировщиков. Тяжело гудя моторами, они шли в сторону Смоленска. «Юнкерсы»!

Страх холодной шваброй прошелся по спине. В сердце стало тоскливо, а мозг будто вдруг воспалился, суматошно требуя что-то предпринять. Лейтенант огляделся по сторонам и только сейчас заметил, что автомагистраль справа и слева была загромождена разбитыми и сгоревшими немецкими танками, грузовиками, тракторами-тягачами. Как успели засечь их наши артиллеристы и накрыть столь плотным огнем? И как майор Мозговой с ходу нашел «свободное» место на шоссе, чтоб так удачно поставить свой танк и дать пример командирам других экипажей? Во всяком случае, ситуация до сих пор «работала» против гитлеровцев: ты для их наземного огня почти неуязвим, а перед тобой все пространство заполнено целями, которые можно поражать. Но стрелять больше нельзя. Сверху сразу же станет видно, где чьи войска. Стрелять — значит заведомо подставить себя под бомбовый груз «юнкерсов». Страшно! Страшно от своей неподвижности и оттого, что ты виден с воздуха и представляешь собой и своим танком заманчивую мишень для удара. Уклониться от него невозможно. Только брезжила слабая надежда на то, что немецкие летчики промахнутся или позарятся на какие-то другие цели. Корольков начал считать и сбился со счета на шестом десятке, как раз в тот момент, когда из района Сапрыкина взметнулись в задымленное небо три зеленые ракеты. Это немцы указывали с земли своим летчикам, в каком направлении надо обрушивать бомбовый груз.

Лейтенант Корольков тут же заорал сержанту Сорокину, который в это время учащенно дышал хлынувшим в открытый передний люк воздухом, не столь раскаленным, как внутри танка:

— Сорокин! Давай три зеленые ракеты вперед себя! В сторону фашистов.

Сорокин — парень сообразительный и проворный. Тут же, схватив из зажима на боковой стенке ракетницу, мгновенно зарядил ее патроном с зеленым пыжом и, высунув руку в открытый люк, пальнул в небо в направлении поселка Сапрыкино. Затем еще дважды... Его примеру последовали другие экипажи полка майора Мозгового: в вышину взвилось еще с десяток зеленых огней, по наклонной падая затем в сторону артиллерийских позиций немцев.

Сколько уже случалось подобных ситуаций на разных участках фронта, и, пожалуй, можно было не надеяться на то, что вражеские летчики еще раз обмишурятся. Но, как говорят, и сейчас бог был на стороне тех, за кем была правда. И бомбардировщики, будто принюхиваясь к земле, сделали огромный круг над полем боя, затем вдруг начали пикировать на поселок Сапрыкино, где в районе огневых позиций батарей скапливались для контратаки немецкие танки и мотопехота.

Тяжелый грохот бомбежки сливался со взрывами мин и снарядов, пальбой орудий и минометов, стуком автоматических немецких пушек, продолжительными очередями пулеметов и короткими — автоматов. И взрывались танки — наши и немецкие, заполняя воздух вокруг черной копотью, дымом, пылью и смрадом. Казалось, что горит сама сотрясающаяся земля, тлеют развалины домов. Было похоже, что на огромной сковороде что-то поджаривается, горит, взметывается с огнем вверх и грузно опадает.

Жестоко бомбили немецкие летчики свои войска. Но на последнем круге один из «юнкерсов» вдруг спикировал на КВ майора Мозгового. Лейтенант Корольков, заметив это, поспешил захлопнуть люк. Бомба врезалась в асфальт между танками. Земля под ними колыхнулась. Осколки, ударив по Т-26 лейтенанта Королькова, заставили броню издать оглушающий колокольный звон.

У «юнкерса», видимо, это была последняя бомба... Когда самолеты потянулись один за другим в направлении Смоленска, лейтенант Корольков облегченно вздохнул и открыл люк.

30

Война для военачальника — это потери и обретения, душевная боль и восторженные парения чувств. Не успел Константин Константинович Рокоссовский порадоваться, что удалось, пусть с немалыми потерями, отбить у захватчиков Ярцево — важный для них пункт на путях к Москве, как в груди поселилась тоскливая тревога о переправах через Днепр в районах сел Соловьево и Радчина. Когда ему на командно-наблюдательный пункт 101-й танковой дивизии передали просьбу полковника Малинина немедленно приехать в свой штаб, он, испытывая нетерпение узнать о причине такой экстренности, тут же связался по телефону с Малининым и по его отрывочным, полузашифрованным фразам понял: действительно, немцы захватили обе переправы, оттеснив наши войска за Днепр. Теперь армии генералов Курочкина и Лукина оказались полностью изолированными, что грозило им близкой и неминуемой гибелью, ибо без продовольствия и боеприпасов, которые доставлялись им через эти переправы, долго не провоюешь.

Рокоссовский ехал в открытом «газике», ощущая при быстрой езде утреннюю прохладу. Справа и слева к автомагистрали подступал лес, чередуясь с золотой желтизной ржи или пшеницы на небольших безлесных клиньях; кое-где густо белела цветущая картошка, и чудилось, что машина мчится сквозь ее приятно-тяжелый запах... Да, война сюда еще не зашагнула...

Вспомнился Лизюков Александр Ильич, который с небольшим отрядом защищал от немцев Соловьевскую переправу.

«Вся надежда была на него»,— и будто увидел Лизюкова — крутолобого, рано облысевшего; его глаза всегда смотрят с прищуром, на добродушном лице широкий мясистый нос. Сын сельского учителя, Лизюков окончил шесть классов Гомельской гимназии, в девятнадцатом году стал бойцом Красной Армии. Учился, воевал, опять учился — окончил военную академию, сам преподавал тактику в академии. Потом командовал батальоном, полком, танковой бригадой, 1-й Московской мотострелковой дивизией. Уже проявил себя на войне при отходе из Минска и при обороне Борисова... Опытен, умен и чертовски храбрый. Если Лизюков не удержал переправу, то дело совсем худо — трудно будет ее вернуть.

До штаба армейской группы от Ярцева — восемь километров. Штаб располагался в стороне от автомагистрали Минск — Москва, в глубоком, со многими отрогами овраге, густо заросшем мелколесьем. В склонах оврага были вырыты надежные укрытия — блиндажи, землянки, капониры для автомашин и лошадей. На удобных площадках кое-где были поставлены брезентовые палатки.

В штабе ощутил тревогу еще острее, когда взглянул на карту начальника штаба полковника Малинина: карта для военного человека словно волшебное зеркало — отражает не только местность с ее населенными пунктами, дорогами, высотами, реками, но и все, что происходит на этой местности, если к карте прикоснулись красный и синий карандаши командира, а тем более штабного, многоопытного. Рокоссовскому стало яснее ясного, что захват немцами переправ на Днепре означал не только гибель двух наших армий в районе Смоленска, но слияние в одну ударную силу двух группировок немецких войск: Ярцевской и Ельнинской. К этой цели немецкие военные стратеги стремились как к необходимому и главному условию, при котором уже можно двигать свои войска непосредственно на Москву.

— Михаил Сергеевич,— обратился Рокоссовский к полковнику Малинину.— Грош цена будет нам с вами, если мы не вышвырнем немцев хотя бы из Соловьева.

Их разговор прервала зашедшая в блиндаж девушка в зеленой гимнастерке и синей юбке, принесшая с собой термос с едой и два чайника — один с чаем, другой с кофе.

— Здравия желаю!— бойко поздоровалась она.— Разрешите накрыть стол и подать завтрак?

— Разрешаем!— в тон ей ответил Рокоссовский.— А как вас величать?

— Зина! Зина Зайцева! Красноармеец первого года службы.

— Ну, что ж, Зина первого года службы, угощайте. Есть хочется катастрофически!— Рокоссовский снял со стола карту и повесил ее на бревенчатую стену блиндажа; карта была с кольцами по углам, а в стену были вбиты деревянные колышки. Даже по этой малой детали можно было судить о порядке в штабе, который возглавлял полковник Малинин.

За завтраком рассуждали о приблизительных силах немцев, которым удалось сбить с Соловьевской переправы заслон полковника Лизюкова, и какими резервами можно восстановить положение. А то, что восстановить его крайне необходимо, понимали оба.

— Маршалу Тимошенко доложили о случившемся?— спросил Рокоссовский у Малинина.

Михаил Сергеевич потупился, тяжко вздохнул и, не поднимая глаз, ответил:

— Он первый сообщил мне об этом. Лизюков каким-то образом связался с ним. У нас связь с Лизюковым нарушилась.

— Ругался маршал?

— Нет... Упрекал... Спрашивал о вас. Я сказал: вышибаете немцев из Ярцева. Он ответил, что Соловьево сейчас — самое важное место на Западном фронте. Сказал: не отобьете, сам приеду и поведу бойцов в атаку.

— Он такой, он может,— хмуро усмехнулся Рокоссовский.— В гражданскую я не раз видел его впереди эскадронов... Ну, так давайте будем наскребать силенок в своих небогатых сусеках.

А время не терпело. Надо было действовать, пока к немцам не подошли подкрепления. Для начала стали выяснять, что уцелело из отряда полковника Лизюкова. Не много, но кое-что уцелело, в том числе несколько танков Т-34 из бывшего 5-го мотомеханизированного корпуса генерала Алексеенко. В резерве Рокоссовского было два дивизиона противотанковых пушек. Один из них выделили для Лизюкова. Нашлась еще пулеметная рота и несколько стрелковых рот. Важно, что все эти силы генерал Рокоссовский предупредительно сгруппировал в лесах вокруг деревни Починки, что южнее Дорогобужа,— на самом вероятном, как предполагалось, направлении, куда немцы могли нанести удар, чтобы сомкнуть Ярцевскую и Ельнинскую группировки. Да, не просчитался Константин Константинович.

К вечеру офицеры связи штаба Рокоссовского уже были в районе Починок, где располагались не столь внушительные, но все-таки ре-

зервы армейской группы. Они, правда, были разбросаны на различные расстояния друг от друга, и требовалось немало усилий, чтоб всех их одновременно собрать в одном месте — в сосновом лесу, который раскинулся восточнее Днепра совсем близко от деревни Соловьево.

Подразделения двигались где по полевым вязким дорогам, где придерживаясь намеченных азимутов, ориентируясь по компасам, преодолевали кочковатые луга, торфяники и болота. По непроходимым, топким болотам пехота шла на «вениках» — связках-снопиках из тонких прутьев березы, ольшаника, орешника, прикрепив их к сапогам, как лыжи. Кто-то из связистов обливался горючими слезами, когда для этой цели сматывали с катушек и резали на куски телефонный кабель.

Это был один из незаметных подвигов, совершенных на войне. Люди лишались последних сил, но в назначенное время, к рассвету, все подразделения собрались в намеченном сосновом лесу.

Полковник Лизюков, разослав по лесу связных, собирал на опушке командиров, знакомился с ними и с наличием в подразделениях живой силы и боевой техники. Все делалось быстро, но без нервозности. Впечатляли строгая деловитость Лизюкова, его энергичные призывы к четкости действий. Ведь еще надо было, прежде чем схватиться с врагом, преодолеть почти открытый трехкилометровый заливной луг, отделявший сосновый лес от Соловьевской переправы на Днепре. А перед этим необходимо успеть наладить взаимодействие пулеметчиков, стрелков, артиллеристов, минометчиков, танкистов.

Артиллерия была на конной тяге, и командир дивизиона попросил подстраховать его силами пехоты на случай, если немцы перестреляют лошадей. Лизюков объединил артиллерийский дивизион со стрелковым батальоном, закрепив за каждым орудием по одному отделению пехотинцев.

Но самым тяжким для Лизюкова было преодолеть чувство отчужденности у командиров да и у всей огромной массы собранных «с бору по сосенке» людей. Армия — это как бы совокупность больших семейств — полков, батальонов, рот, где почти все друг друга знают, друг за друга в ответе. И если такая «семья» идет в бой, то чувствует свое единство и свои взаимные обязательства. А тут взяли да «выдернули» всех из своих «семей», объединили с «чужими» подразделениями и поставили задачу совершенно неожиданную, многим пока непонятную по ее значимости, но ясную в том смысле, что она смертельно опасна и что многим из них не дожить до вечера.

Алексею Ильичу надо было успеть побывать в разных уголках леса, суметь сказать людям самые нужные слова и так отдать распоряжения командирам, чтоб в них увиделась разумность, возможность выполнения задачи и, самое главное, чтоб почувствовалась всеми несомненная вера его, полковника Лизюкова, в то, что сам он тоже полагается на всех этих людей, откровенно говорит им об опасности и трудности задачи и каким-то чудодейственным образом их сомнения вытесняет простой верой и даже восторженностью оттого, что каждый, кто попал под командование полковника Лизюкова, начинает понимать: ему оказана особая честь идти в атаку в том самом главном месте войны, где, возможно, решается ее судьба и где бессмертие главенствует над смертью. Волнующее это чувство для бойца, понимающего, что пусть даже он, может, погибнет от пули-дуры, от случайного осколка, погибнет незаметно для товарища, который по закону солдатского братства должен, прежде чем уйдет из штаба казенное извещение о смерти побратима, написать семье, что ее кормилец уже не имеет будущего, ибо почил в смоленской земле, сраженный железом европейского изготовления.

И он сумел. Он, Лизюков, необыкновенно обаятельный, тонко понимающий человеческую душу, знающий несколько иностранных языков, сумел своей взволнованностью, недосказанностью фраз, сдержанными жестами рук и элементарным умением заставить всех, кто его слушает, зрительно увидеть, как сложилась обстановка на фронте, и пояснить, убедить, что эту обстановку крайне нужно и можно изменить в свою пользу, и все, кто к этому приложит силы, будут отмечены по достоинству.

Правда, слова о наградах никого особенно не впечатляли. Знали главное: дальше пускать немцев нельзя. Надо остановить их, показав, что русский человек на своей земле сильнее пришельца.

Лизюков не был голосистым оратором, но он был тем человеком, который без труда умел находить путь к сердцу другого человека. И он успевал находить и подготовить немыслимое.

Встал вопрос: наступать после артиллерийской подготовки или атаковать с ходу, внезапно. Но внезапность не получалась. Уже рассвело, люди после тяжкого перехода из района Починок еще не отдышались, не набрались сил. Впереди же до трех километров открытого места. Их надо было преодолеть на одном дыхании... Не получится. Немцам удастся перестрелять всех еще на подступах к Днепру.

И полковник Лизюков решил провести артиллерийскую подготовку, выбрав огневые позиции в стороне от леса, в луговом кустарнике. Дождались, когда солнце окрасило воды Днепра и в оптических приборах полуразрушенная деревня Соловьево вырисовывалась во всей своей жалкой измочаленности прежними бомбежками и обстрелами. Тут же были нанесены на артиллерийские планшеты свежевырытые немцами, обращенные брустверами на восток траншеи и отдельные пулеметные гнезда, подготовлены данные для стрельбы по ним. Пехота в это время группировала команды умеющих плавать, так как понтонная переправа через Днепр была разрушена. Предусматривалось все...

По единой команде десятки пушек выплеснули пламя. Будто молнии полыхнули громами туч и обрушили свою испепеляющую силу на западный берег Днепра.

Больше часа длилась артиллерийская обработка целей на окраинах Соловьева. Местность вокруг деревни заволоклась непроглядной пеленой дыма и пыли. Этого и дожидался полковник Лизюков. По его приказу взлетели в небо сигнальные ракеты, и все пришло в движение.

...Сотни две метров оставалось до Днепра, когда окопавшиеся и уцелевшие в Соловьеве немцы чуток оправились от очумления и, разглядев атакующих сквозь прогалины в стене ивняка, росшего по берегам Днепра, привели в действие свои уцелевшие огневые средства. А их оказалось немало: пулеметы, минометы, отдельные орудия, группы автоматчиков. Среди атакующих вражеские пули и осколки все чаще находили свои жертвы. Сырой луг, чавкавший под сапогами тысяч бойцов, покрывался телами убитых и раненых. Взрывы немецких мин и снарядов многих заставляли искать укрытия.

Казалось, атака вот-вот захлебнется. Люди залягут на открытом лугу и будут лежать там, пока их не перестреляют уцелевшие и опомнившиеся немцы. И, что немаловажно, враг успеет подтянуть в Соловьево резервы.

Полковник Лизюков бежал к Соловьеву и с огорчением замечал, что в суматохе боя его видит только те, кто рядом — справа и слева да группа его штабных командиров, бежавших сзади. Но когда он почувствовал, что сила атаки может вот-вот иссякнуть, что бойцы могут залечь, после чего поднять их будет почти невозможно, он, чтоб не упустить время, догнал шедший впереди легкий танк и, обжигая руки о его моторную часть, взобрался на броню, ухватился за скобу башни.

— Товарищи!— подал он клич.— Товарищи коммунисты, не посрамим наши боевые знамена! Вперед! Днепр рядом!.. Ур-р-ра!

Соскочив с машины и не прерывая своего боевого клича «ура!», он устремился к уже близкому Днепру.

Не помня, как в его руках оказался немецкий автомат, он ринулся в воду, уверенный, что сзади мчатся автомашины с понтонами и он обязан любой ценой, даже своей жизнью, обеспечить саперам возможность перекинуть понтоны через реку. Верил также, что его примеру следуют десятки, и не ошибся. За Лизюковым кинулись в Днепр сотни умевших плавать. Река здесь не столь широка. На ее западном берегу завязалась штыковая баталия.

Это было то самое, к чему стремились русские бойцы. В штыковом бою им нет равных. Немцы начали убегать по взгоркам огородов к уцелевшим домам, но уже ничто не могло их спасти.

Впрочем, они надеялись на свою авиацию, на прорыв танковых клиньев. А советские воины надеялись только на себя и силу своего оружия. Но неожиданно у них появился еще один помощник: с лугов, что были юго-восточнее, вдруг стал наплывать густой, белый, как лебединый пух, туман. Днепр для него оказался главной привязью.

Под покровом тумана были построены понтонные переправы, и вскоре они загремели под колесами грузовиков и повозок. Вырвавшиеся из окружения колонны наших войск начали переправу на восточный берег.

31

Во фронтовой атмосфере неизвестности и постоянного ожидания над тревожной, напряженно ищущей мыслью полководца всегда довлеет и формальная (как определенный математический закон) необходимость принимать именно то или иное оперативное решение, исходя из сил и действий противника, а также из количества и расположения своих войск. Неодаренный военачальник всегда руководствуется главным образом только ею. А одаренный, помня о ней и следуя строгой дисциплине своего разума, ищет такое решение, которое при всем его соответствии той же формальной необходимости не предвидел бы противник.

Избавленная от «формальностей», а точнее, от шаблона мысль полководца с раскованностью диктует ему свою нужную, наиболее целесообразную форму оперативного решения и притом с определенной, почти зримой выразительностью.

Но вся сложность в принятии возможных решений исходит и от количественной их ограниченности. Не забывая об этом и зная, что опытный неприятель в итоге анализа дислокации сил обеих воюющих сторон может предугадать, какой оперативный «ход» будет сделан против него, он, полководец, ищет к своему решению некий венчающий «сюрприз» — неожиданный дополнительный маневр навесным ли огнем, резервами ли, главными силами или нанесением удара в непредвиденном для врага направлении.

Маршал Тимошенко был опытным полководцем, одаренным от природы человеком. Его «сюрприз» в одобренном Ставкой замысле совместной наступательной операции пяти армейских войсковых групп заключался в том, что удар по врагу одновременно наносился с пяти разных направлений. Это должно было лишить неприятеля возможности маневрировать своими главными группировками и резервами. Вселяло надежду и количество сил — 14 дивизий Красной Армии, переданных в распоряжение Тимошенко из Фронта резервных армий. И при этом учитывались непрекращавшиеся удары по врагу 16-й и 20-й армий изнутри «Смоленского котла». Все вроде рассчитано, предвидено. Грела сердце маршала уверенность: удастся не только вышвырнуть противника из Смоленска, но и потеснить его на запад — далеко за Днепр, как приказал ему Сталин.

Но не справился Западный фронт с этой задачей. Ни в Ставке, ни в штабе фронта не предполагали, что близятся ливневые дожди, которые размоют дороги и в ряду с другими причинами не позволят нашим дивизиям сосредоточиться в назначенное время на исходных рубежах для наступления. И не предвидели главного: немцы готовились к очередному броску для захвата Москвы и уже подтягивали в район Смоленска свои свежие силы.

А ведь начало операции сулило успех. 23 июля группа генерал-лейтенанта Качалова, перейдя в наступление, отбросила врага за реки Беличек и Стометь. На второй день после мощного артиллерийского налета по противнику, который пытался построить новую систему обороны, качаловские полки перешли в очередную атаку, смяли врага, захватили около 600 пленных и устремились в направлении Починка. Части 145-й стрелковой дивизии сумели пробиться вперед почти на 60 километров. Затем сражение продолжалось с переменным успехом: противник, ощутив на этом направлении серьезную угрозу, начал спешно подтягивать сюда резервы. Но группа Качалова еще три-четыре дня крушила боевые порядки неприятеля и теснила его на северо-запад.

Однако на войне сила силу ломает. На рассвете 1 августа после длительной артподготовки немцы перешли в наступление в направлении Рославля, введя в бой подошедшие из районов Орши и Смоленска один моторизованный и два армейских корпуса. К пяти часам дня около ста немецких танков с мотопехотой прорвались в Звенчатку по шоссе на Рославль. Десятки вражеских самолетов не переставали наносить по войскам Качалова бомбовые удары. На широком участке фронта развернулись подвижные сражения, в которых был перевес то на одной, то на другой стороне.

...К вечеру 3 августа немцам удалось завершить оперативное окружение армейской группы генерала Качалова. На второй день оказался в окружении и его штаб. Более драматической ситуации нельзя было и вообразить.

Генерал Качалов, командный пункт которого находился в лесу у Стодолища, принял меры, чтоб спасти управление штаба своей группы: приказал командиру 149-й стрелковой дивизии одним полком прорвать в районе деревни Лысовка вражеское кольцо окружения и дать возможность вырваться из западни штабу. Полк прибыл на указанный ему рубеж с опозданием, но вступил в бой с засевшим в деревне врагом решительно и стал его теснить. Штабная колонна, невзирая на артиллерийский обстрел, двинулась вслед за полком. Но продвижение на юго-восток застопорилось. Разгорелся очередной бой, в котором никак не удавалось достигнуть перевеса над врагом. Ринулись к цепи атакующих и командиры штаба во главе с членом Военного совета, бригадным комиссаром Колесниковым.

Однако и это не помогло. Тогда генерал Качалов сел в свой командирский танк и тоже устремился туда, где кипел бой. На окраине деревни Старинка вражеский снаряд пронзил броню танка и взорвался внутри... Погиб экипаж, погиб и генерал-лейтенант Качалов Владимир Яковлевич.

...Тяжкие потери понесли дивизии группы. Еще бо́льшие потери понес враг. Почти полностью была истреблена дивизия «Великая Германия»...

Другие оперативные группы продолжали встречные бои. Дивизии генерала Рокоссовского, после того как противник был выбит ими из Ярцева, не прекращали атак, но без заметных успехов. Всего лишь на несколько километров потеснили врага группы генералов Хоменко, Калинина, Масленникова. Сказывались слабое авиационное обеспечение, недостаточность танков и артиллерии, скороспелость подготовки операции.

Группировка войск врага на Смоленском направлении тоже выдыхалась. Рухнул план немецко-фашистского командования к 7 августа захватить Москву.

Поздним вечером на Кунцевской даче Сталина собрались почти все члены Политбюро. Сталин был вне себя после того, как днем Жуков с полной определенностью заявил, что наш контрудар пятью группами на Западном фронте не получил должного развития. Немцы, пусть местами были отброшены со своих позиций и понесли большие потери, все-таки в оперативном понимании не оказались сокрушенными. Более того, на отдельных участках, введя в бой крупные резервы, враг добился значительного перевеса... Попала в окружение группа генерала Качалова, и мало кому удалось прорваться через неприятельские заслоны. А сам Качалов будто бы сдался немцам в плен... Поверить в это было невозможно. Кто видел? Вроде адъютант и еще кто-то. Вызванные для объяснения в Москву член Военного совета бригадный комиссар Колесников и начальник политотдела армии полковник Терешкин заявили беседовавшему с ними Мехлису: они не допускают даже мысли, что генерал Качалов мог сдаться врагу в плен. Мехлис обвинил Колесникова и Терешкина в политическом младенчестве...

И вот сейчас Политбюро приняло решение издать приказ по действующей армии и заклеймить позором генерала Качалова[1]...

Но этим обстановку на фронтах не упростить и не облегчить. У Сталина тяжело было на душе, и он напряженно размышлял над тем, что еще предпринять. В двадцатых числах июля он предложил генералу армии Жукову сместить с поста начальника штаба Западного фронта генерал-лейтенанта Маландина, а на его место назначить генерала Соколовского Василия Даниловича, заместителя начальника Генерального штаба; Маландина же оставить его заместителем... При новом начальнике штаб фронта улучшил систему управления войсками, укрепил связь с Генеральным штабом и Ставкой, но этого было мало... Сталин все чаще обращался мыслью к маршалу Тимошенко, постепенно убеждая себя в том, что, возможно, и ему уже не под силу столь тяжелая ноша. Как бы ища ответ на мучивший его вопрос, он пробежал взглядом по лицам членов Политбюро, затем повернулся к открытому окну и стал смотреть в окружавший дачу лес. Потом, ни к кому конкретно не обращаясь, задумчиво, с горестью в голосе спросил:

— А может, у нас лучше пойдут дела на Западном фронте, если мы отзовем оттуда товарища Тимошенко?

— Кем заменим?— первым откликнулся на вопрос Михаил Иванович Калинин.

— Надо посоветоваться с Жуковым,— предложил Молотов.— Военным, может, виднее?

...И вот Тимошенко, вызванный в Генштаб для оценки обстановки на фронте, вместе с Жуковым приехал по звонку Поскребышева на Кунцевскую дачу. Когда они вошли и доложили Сталину, что явились по его вызову, Сталин, отряхивая у окна со своей старой куртки пепел, просыпавшийся из потухшей трубки, тихо заговорил:

— Вот что... Политбюро обсудило деятельность Тимошенко на посту командующего Западным фронтом и решило освободить его... Есть предложение на эту должность назначить Жукова... Что вы на это ответите?

На хорошо выбритом, усталом лице Тимошенко чуть проступила бледность, глаза нахмурились, а уголки губ дрогнули. Ему что-то хотелось сказать, но он молчал, с укором глядя на Сталина.

Лицо же Жукова багрово вспыхнуло, и он сумрачно, сдерживая рвавшийся из сердца протест, заговорил:

— Товарищ Сталин, частая смена командующих фронтами тяжело отражается на ходе операций.

Сталин повернулся к Жукову и сделал к нему шаг будто для того, чтоб лучше его слышать. Неотрывно смотрел в лицо начальника Генерального штаба.

Жуков продолжал:

— Командующие, не успев войти в курс дела, вынуждены вести тяжелейшие сражения. Маршал Тимошенко командует фронтом менее четырех недель. В ходе Смоленского сражения хорошо узнал войска, увидел, на что они способны. Он сделал все, что можно было сделать на его месте, и почти на месяц задержал противника в районе Смоленска. Думаю, что никто другой большего не сделал бы. Войска верят в Тимошенко, а это главное. Я считаю, что сейчас освобождать его от командования фронтом несправедливо и нецелесообразно.

Сталин не спеша стал раскуривать трубку, вопросительно посмотрел на молчавших членов Политбюро, взглядом приглашая их высказаться.

— А что, пожалуй, Жуков размышляет правильно,— проговорил Калинин.

— Мне тоже так кажется,— поддержал Калинина Молотов.

Сталин помолчал, выдохнул облако табачного дыма и произнес:

— Может быть, согласимся с Жуковым?..

На этом и порешили. Маршал Тимошенко тут же отбыл на фронт, Жуков — в Генеральный штаб. Разъехались и члены Политбюро.

Продолжение следует.

[1] После войны обвинение генерал-лейтенанта Качалова В. Я. в предательстве было снято, когда выяснились обстоятельства его гибели и место захоронения.

Фразы

Каждый человек ошибается в меру своих способностей.

Всегда найдутся люди, способные опровергнуть ваши сомнения в своей правоте.

В голове у человека всегда найдется место для мыслей. Во всяком случае, если она не пустая.

Иногда только с помощью денежных знаков можно обойти дорожные.

Даже колоколу необходимо иметь хорошо подвешенный язык.

Даже постановка самого простого вопроса требует определенной режиссуры.

Совмещая приятное с полезным, оформил себя дополнительно на полставки.

Ив. ИВАНЮК

Всеволод МАЛАШЕНКО

ЮМОРЕСКА

НЕПЬЮЩИЙ

Только Слава Уфимцев, молодой актер, не притронулся к своей рюмке, налегая на закуску.

— Что такое? — удивился хозяин дома.

— Не пью, вообще не пью, и не обращайте на меня внимания,— шепотом, торопливо проговорил Слава.

Хозяин дома посмотрел на него с надеждой, принимая его слова как вступление к какому-либо рассказу или этакому театральному трюку, одним словом, артист в своем репертуаре, для того и пригласили. Гости оживились.

— Артисты перестали пить? — ехидно хохотнул сосед слева.— До спектакля не пью, во время спектакля не пью, после спектакля не пью — наливай! Как в том анекдоте.

Раздался смех.

— Я вчера видела вас в роли,— соседка загадочно усмехнулась,— как вы граненый стакан залпом. Я прямо испугалась, а вы даже и не захмелели.

— Да ведь на сцене пьют не по-настоящему, пьют воду или холодный чай, разлитый по бутылкам, чтобы создать видимость, правдоподобие,— рассудительно объяснял Слава. Но гости ждали не объяснений, а анекдота, рассказа о закулисной жизни актеров. Слава понял, что ему не отвертеться. Анекдотов он не запоминал, сплетнями не интересовался и решил рассказать о случае, происшедшем с ним на репетиции, и как раз про то, как артисты пьют. Глотнув минеральной воды, он улыбнулся.

— Репетировали историческую пьесу. Я играл заблудившегося в тайге красноармейца, спасенного старым охотником. Начинался эпизод с момента привода меня в избу, усталого, голодного, замерзшего. Войдя в дом, едва успев скинуть буденовку и шинель, я выпивал стакан водки. Так было написано у автора. И вот этот эпизод никак не получался. Режиссеру не нравилось, как я пью.

«Ты пьешь, как завзятый алкоголик, а не красноармеец. Не верю!» — гремел его бас в пустом зале.

Я снова налил стакан и выпил.

И снова из зрительного зала: «Не верю!»

Сцена никак не получалась. А режиссер придавал этому эпизоду важное значение. В момент, когда я пью, старый охотник, его сын, старуха мать оглядывают меня, проверяют, что я есть за человек.

«Наливает водку охотник и ждет, выпьет ли красноармеец или нет, поблагодарит или обругает. Определяются взаимоотношения. Понятно?» — настойчиво объяснял режиссер.

Начали повторять. Я медленно подошел, взял стакан, вздохнул и залпом выпил.

«Стоп! — кричит режиссер.— Не так. Не на троих в подъезде... Привыкли на скору руку...»

Александр Александрович, репетирующий роль старого охотника, народный артист, видный, фактуристый, подошел к столу, налил стакан.

«Смотри»,— обратился он ко мне и, не торопясь, с удовольствием выпил, крякнул и перевернул стакан вверх дном.

«А так пьют на банкетах под черную икорку!» — закричал режиссер и, вбежав на сцену, схватил бутылку, налил стакан, обтер ладонью рот и выпил. Потом подумал и сказал: «Не так! Смотри внимательно, показываю еще раз». Он встал у двери, огляделся, потом подошел к печи, проверил, теплая ли, стал медленно снимать воображаемую шинель, а в это время охотник Александр Александрович наполнил стакан, режиссер взял его еще раз, огляделся и неторопливо выпил.

«Повторите»,— обратился он ко мне. И вдруг я понял, что дело не в том, как я пью, а зачем я пью и что будет после этого. Внешняя задача — согреться водкой, а как персонаж я должен понять, в какой дом попал, что за люди меня окружают, чем грозит мне дальнейшее пребывание здесь, среди возможных врагов. Вот моя задача. И я выпил, повторяя внешний рисунок режиссера, но построил все на напряженном внимании, в поисках выхода, если вдруг меня захотят, возможно, убить.

«Лучше,— сказал режиссер, спустился в зрительный зал, и оттуда вновь раздался его голос: — Повторяем все сначала».

Сцена пошла, больше на ней не останавливались. Значит, пить я стал хорошо, правильно.

После репетиции режиссер отвел меня в сторону и сказал:

«...Слава, ты все-таки поменьше пей! Ты и в институте пил?..»

«Да я вообще никогда не пил и не пью». Я был удивлен, даже возмущен.

Режиссер согласно кивал головой: «Я тебе верю, ты всем так и говори, но мне-то не надо, я сразу понял, как только ты схватился за стакан».

Я был уничтожен. А я вообще не пью, ну не люблю.

И Слава Уфимцев засмеялся. Гости были разочарованы...

Больше его в этот дом не приглашали.

ОЗЕРО ДЖЕКА ЛОНДОНА

Это озеро находится в суровом краю Северо-Востока нашей страны. Первопроходцы этих мест дали немало романтических названий рекам, вершинам, озерам — соседям озера Джека Лондона: озеро Танцующих хариусов, пик Абориген, ручей Неведомый, ключ Пурга...

Эта гигантская голубая чаша имеет ледниковое происхождение. Она вытянулась вдоль горной цепи на восемь километров на высоте 800 метров. Поросшие лиственницей берега пересекаются ключами. Здесь находится самая высокая вершина Магаданской области — пик Абориген. Воды озера омывают малюсенький островок Ветродуевский, где расположена старейшая на Колыме метеостанция.

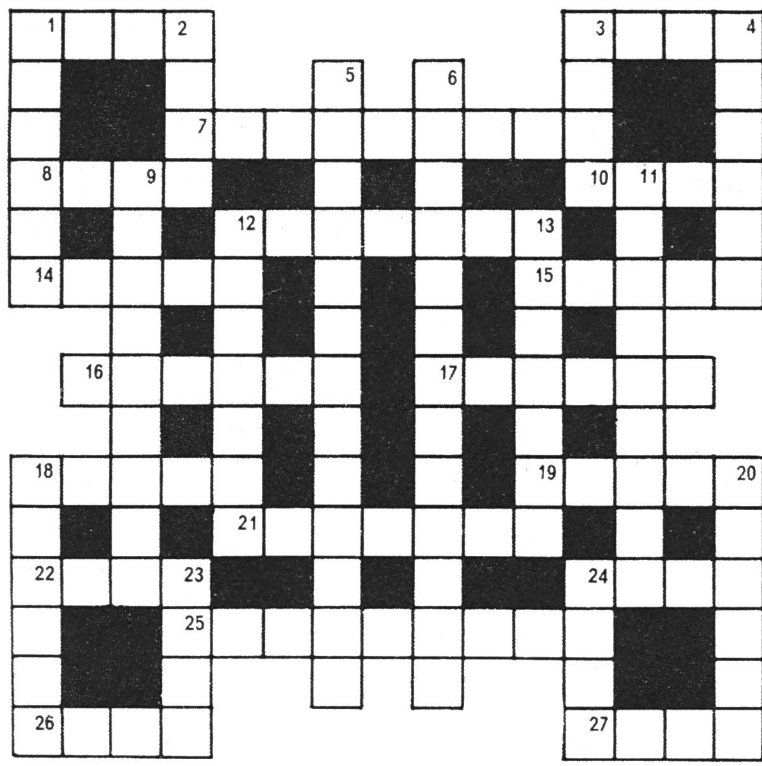
Рассказывают, что название озеру дал случай, происшедший с партией геологов, плывших по озеру на плоту и читавших вслух томик любимого писателя, томик, ставший для геологов своеобразным талисманом. Порыв ветра вырвал книгу из рук, и она утонула в волнах озера, получившего тогда свое название. Было это 50 лет тому назад.

Юрий МУРАВИН

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Сооружение на реке, канале. 3. Картина И. И. Левитана. 7. Участок водной поверхности в границах порта. 8. Деталь гусеницы вездехода, танка. 10. Лиственное дерево. 12. Порт в Ливане. 14. Созвучие окончаний стихотворных строк. 15. Вспомогательное предложение для доказательства теоремы. 16. Дипломатический ранг. 17. Ледниковые отложения. 18. Возвышенная равнина. 19. Изолированное помещение на корабле, самолете. 21. Озеро на юге Швеции. 22. Груз для определения веса. 24. Оптическое излучение. 25. Горная вершина Большого Кавказа. 26. Река в Италии. 27. Французский композитор XIX века.

По вертикали: 1. Советская футбольная команда. 2. Хлебное, кормовое растение. 3. Башенное сооружение, ориентир для кораблей. 4. Роман О. Гончара. 5. Навигационное устройство для определения направления. 6. Тоннаж судна. 9. Места в зрительном зале. 11. Первый русский ученый-естествоиспытатель, поэт. 12. Заслуженный тренер СССР по хоккею с шайбой. 13. Древнерусский писатель XI века. 18. Состояние атмосферы. 20. Промысловая крупная морская рыба. 23. Легкоатлетический снаряд для метания. 24. Приток Волги.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали: 5. «Спутник». 6. Студент. 8. Тапажос. 9. Букса. 11. Омуль. 13. Афиша. 15. Гантель. 17. Реклама. 19. Магадан. 21. Аметист. 23. Храми. 24. Байка. 26. Шопен. 27. Раритет. 28. Пиренеи. 29. Горький.

По вертикали: 1. Опекушин. 2. Анета. 3. Руссо. 4. Анфилада. 7. Рационализация. 10. «Собеседник». 12. Москаленко. 13. Альманах. 14. Аэросани. 16. Арча. 18. Марс. 20. Гамадрил. 22. Инвенция. 25. Арзни. 26. Штырь.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Дмитрий Билозерчев и его болельщики. (См. в номере материал «Гимнаст № 1».)

Фото А. БОЧИНИНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Озеро Джека Лондона. Горный массив окаймляет озеро гигантским каменным щитом * Игорь Кандзюба обслуживает одну из самых отдаленных метеостанций нашей страны * Голубика, брусника — дары местной тундры. (См. в номере материал «Озеро Джека Лондона».)

Фото Ю. МУРАВИНА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 17.06.85. Подписано к печати 02.07.85. А 00374. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 1890. Заказ № 877.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ВДОХНОВИЛА КЛАССИКА

Фото И. ГАВРИЛОВА

Пятый Международный конкурс артистов балета, проходивший недавно в Москве, завершился. Для любителей прекрасного искусства танца — москвичей, советских и зарубежных гостей конкурса, а также в первую очередь для его участников это было время волнующее и насыщенное. Новые выступления, надежды, неожиданности, открытия — все было. А главное, состоялся большой форум балетного искусства, язык которого не требует перевода.

Около ста участников конкурса из двадцати двух стран мира выступали на сцене Большого театра СССР. Авторитетное жюри, в которое вошли выдающиеся деятели мировой хореографии под председательством народного артиста СССР Ю. Н. Григоровича, терпеливо, доброжелательно и внимательно оценивало конкурсантов. Конечно, было соревнование, но все в нем желали друг другу добра, радовались успехам и огорчались неудачам. За кулисами поздравляли, сочувствовали и советовали. Атмосфера дружбы — искренней, подлинной, теплой — была самым драгоценным, незабываемым украшением конкурса, которое, я думаю, все — и участники, и зрители — сохранят в своем сердце, в своей памяти.

Какой главный отличительный знак Московского балетного конкурса? Он был осенен классической хореографией. Классика была его музой, а ее чистота — критерием оценок. Она вдохновляла и напутствовала. И, что говорить, было исключительно приятно, что участники конкурса очень много исполняли отрывков из всех балетов великого русского композитора П. И. Чайковского. Конкурс начался «Щелкунчиком», а окончился «Лебединым озером». Исполнялись также отрывки из балетов Глазунова, Минкуса, Адана, Пуни, Асафьева и других замечательных композиторов — авторов музыки классического танца. Жаль только, что творцы классической хореографии — Петипа, Иванов, Горский и другие — как-то ушли в тень: были не названы, не объявлены, а подчас, мягко выражаясь, основательно подредактированы...

Классика была властительницей всех туров: первого и третьего полностью, второго наполовину. Другую часть второго тура составили произведения так называемой современной хореографии. Так называемой — потому что, в сущности, неясно, какой смысл вкладывается в это понятие. Постановки сегодняшних хореографов, что это: иная пластическая лексика — полугимнастическая, подчас красивая, но почти нетанцевальная? Или звучание современной темы? Возможно, и то, и другое, и третье — дело не в педантичности разграничения.

Выделялись среди прочих постановки молодых советских балетмейстеров В. Усманова «Тристан и Изольда» и Б. Мягкова «Маугли», а также известный дуэт Мориса Бежара на музыку Берлиоза «Ромео и Юлия», впечатляющий монолог «Ода рабу» (музыка и постановка Ма Люсиэ), блестящая «Тарантелла» Г. Чока (хореография Вальтера Берна), со вкусом, элегантно поставленные танго на музыку А. Пьяццолы и другие номера. Сделанные на классической основе не только по форме, но и по глубине, они волновали эстетикой и этикой большого балета. Приятное впечатление произвели китайские композиции, в которых тонко сочетались национальные и классические начала, что помогало в гармоничной танцевальной форме раскрыть и ощутить характер народа, его мировосприятие.

Но во многих современных постановках все-таки подчас удручала пластика, лишенная смысла, той проникновенности и человечности, которые присущи классике. Видимо, прежде всего духовное содержание классики должен впитать, да, в общем, и впитывает современный балет, но отголоски туманной, а потому бессодержательной танцевальности присутствовали в современных номерах. Существенный их недостаток — мало было заявлено серьезных тем, которыми живет, болеет и борется современный мир. А те, что были, исполнены не всегда на должном уровне выразительности и талантливости. Вероятно, эта проблема сегодняшнего балета остается одной из основных.

Прошедший конкурс также показал, что воспроизведение классики требует очень бережного отношения. Наряду со многими точными по форме и духу исполнениями классических вариаций и па-де-де был целый ряд, и не короткий, весьма формальных интерпретаций, лишенных сердечного подъема, подлинных естественности и трепета. Классика тоже должна быть созвучной нашему дню, и в лучших образцах конкурсных выходов она еще раз утверждала правомочность своих жизненных позиций.

Отличило V балетный конкурс участие новых стран — Китая, Колумбии и Турции. Великолепно показали себя китайские танцовщики. Их дуэты и сольные выступления были выдержаны в лучших традициях классического балета, где романтическая свобода сочеталась с реалистической точностью, а мягкость вращений, чистота и ажурность воспевали красоту и силу человеческого духа. Ярко выступили танцовщики из ЧССР и Франции, Австралии, США и многих других стран.

Конкурс стал праздником танца, красоты — и юности. Хулио Бокка из Аргентины (одному из получивших первую премию) — восемнадцать лет, Галине Степаненко (вторая премия) — девятнадцать, Пабло Савою из Франции (вторая премия) — двадцать. Но дело даже не в годах. Побеждала молодость настроения, линий танца, увлекала устремленность в будущее. Побеждало счастье творчества. И в этом Пятый Международный конкурс артистов балета в Москве был прекрасным прологом дружбы, который ярко вспыхнул перед началом Всемирного фестиваля молодежи.

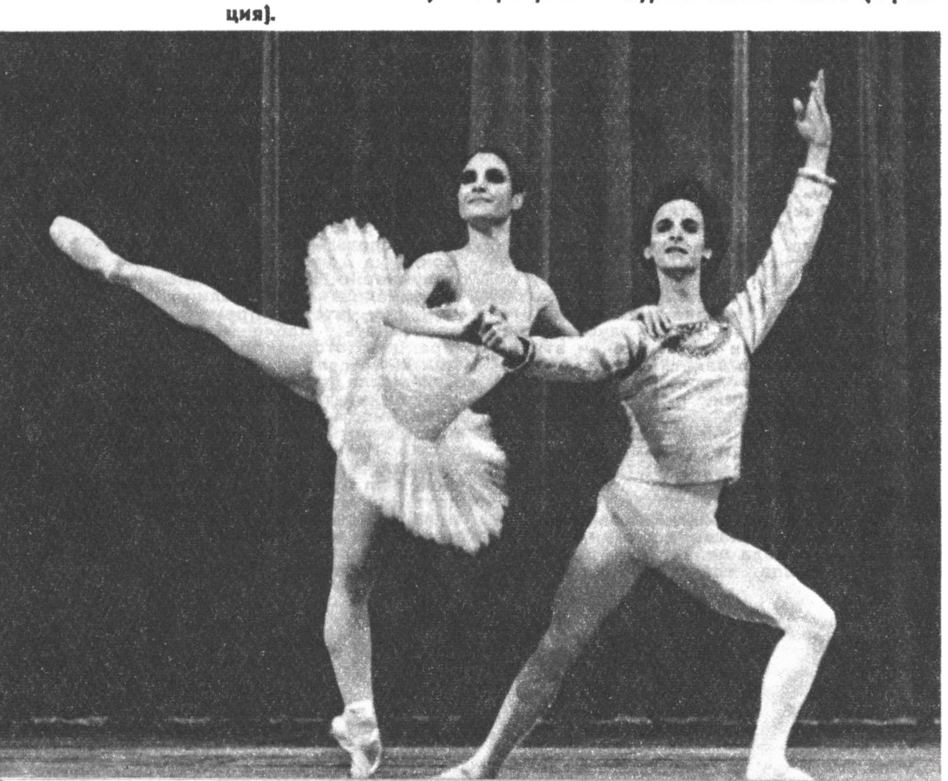
Светлана САМСОНОВА

Зрители приветствуют аргентинца Хулио Бокка (первая премия).

Американская балерина Мария Тереса дель Реал (приз журнала «Советский балет») и серебряный лауреат Пабло Савой (Франция).

На сцене Марина Леонькина (первая премия).

Слово за жюри.

Китайские артисты Тао Мин (премия за актерское мастерство) и Чжан Вэйцян (третья премия).

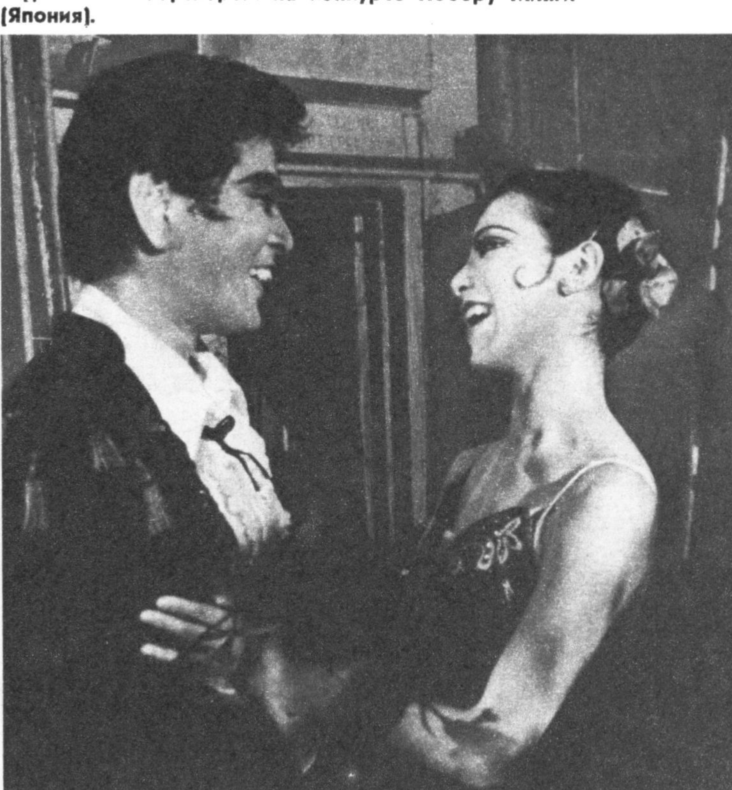
Среди золотых лауреатов — Нина Ананиашвили.

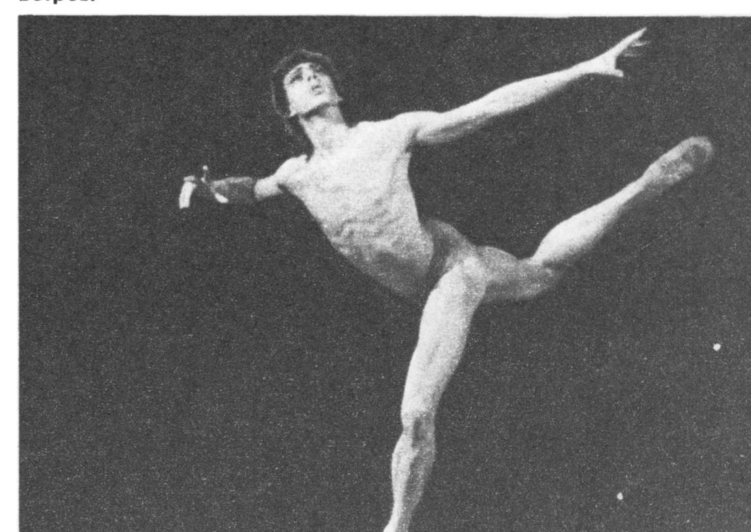
Элизабет Тухей премирована за актерское мастерство. Ее партнер Давид Мак-Алистер удостоен третьей премии (Австралия).

Лауреат второй премии Юко Моримото со своим педагогом и партнером на конкурсе Нобору Мияги (Япония).

Первую премию среди солистов получил Александр Ветров.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

